

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК

Александр
Етоев

БЕГСТВО
В ЕГИПЕТ

Петербургские
светотени

« А З Б У К А »

Русская литература. Большие книги

Александр Етоев

**Бегство в Египет.
Петербургские светотени**

«Азбука»

1998-2024

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Етоев А. В.

Бегство в Египет. Петербургские светотени / А. В. Етоев —
«Азбука», 1998-2024 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-33369-7

Александр Етоев – автор более полутора десятков книг разных жанров и направлений, лауреат ряда литературных премий («Странник», «Золотой Остап», им. Гоголя, им. Маршака, АБС-премия и др.). Роман Етоева «Я буду всегда с тобой» вошёл в шорт-лист премии «Национальный бестселлер» (2019). По рассказу «Акуака» снят одноимённый короткометражный фильм, занявший первое место в номинации «Актёрская работа» на Международном конкурсе короткометражных фильмов в 2017 году. Книгу избранных сочинений Александра Етоева в основном составляют произведения, тесно связанные с городом, в котором автор родился и живёт вот уже более полувека. Повести «Бегство в Египет», «Правило левой ноги», «Порох непромокаемый», роман «Человек из паутины», рассказы – везде город едва ли не основной герой и влияет на судьбу персонажей не меньше, чем влияет на них питерская погода. Не выпадает из петербургской темы и последний роман писателя «Летучий марсианский корабль». Лунина, героя романа, насильно переносят на Марс, в мир мёртвых, не откуда-нибудь, а из петербургской Коломны, где когда-то бродил по улицам нос, сбежавший от своего хозяина, и где герой «Медного всадника» бросал в лицо истукану своё решительное «Ужо тебе!». А старый ленинградский трамвай «забирался на Египетский мост, немного медлил и проваливался за дома-пирамиды» («Бегство в Египет»).

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33369-7

© Етоев А. В., 1998-2024

© Азбука, 1998-2024

Содержание

Бегство в Египет	7
Бегство в Египет	7
Парашют вертикального взлёта	41
Порох непромокаемый	46
Посвящение	46
Глава первая	46
Глава вторая	48
Глава третья	50
Глава четвёртая	53
Глава пятая	54
Глава шестая	56
Глава седьмая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Етоев

Бегство в Египет. Петербургские светотени

В оформлении обложки использована картина Игоря Нелюбовича «Подьяческая улица»: 180 × 120 см, холст, акрил. 2025.

© А. В. Етоев, 2026

© И. А. Нелюбович, 2025

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Бегство в Египет **Повести, рассказы**

Бегство в Египет *Маленькая повесть для больших детей*

1

В детстве я выпиливал лобзиком, не курил и страшно не любил темноту. Полюбил я её только лет в восемнадцать, когда начал курить, зато перестал выпиливать лобзиком. До сих пор об этом жалею.

Я помню, на нашей Прядильной улице, когда меняли булыжную мостовую, мальчишки из соседнего дома в песке отрыли авиационную бомбу. Участок улицы оцепили, жителей из ближайших домов эвакуировали к родственникам и знакомым, а мы, местное сопливое население, стояли вдоль верёвки с флажками и ждали, когда рванёт.

Приехала военная пятитонка, мордатый сапёр с усами скомандовал из кабины двум молодым солдатикам: «Лёха! Миха! Вперёд!» – и Лёха с Михой, дымя на бомбу авроринами, вывортили её из песка, схватили, Лёха спереди, Миха сзади, и, раскачав, зашвырнули в железный кузов.

С тех пор я знаю, что такое «гражданское мужество».

Друзей у меня было двое – Женя Йоних и черепаха Таня. Втроём мы бегали на Египетский мост смотреть на мутную воду.

Да, чуть не забыл, внизу под мостом протекала река Фонтанка.

2

Художник Тициан был не прав. В Египте звенят тополя – серебряные и простые. И Мария везёт младенца в скрипучей детской коляске с протёртым верхом из кожзаменителя. А Иосиф, добрый лысый еврей, плетётся чуть в стороне и бормочет невпопад Пастернака.

– Египет? Ты это брось, – сказал крёстный. – Египет в Африке.

И, оттерев меня лбами, они с папой принялись на географическом атласе искать Африку. Сначала они пришли в Антарктиду, где холодно.

Потом отправились на кухню курить.

Потом вернулись, и крёстный сказал: «Ага!» Это он нашёл Африку. Она была разноцветная и большая и по краям вся в трещинах африканских рек. В Африке было жарко, и крёстный с папой пошли в Покровский сад выпить квасу.

Я знал, что это надолго, спрятал в карман котлету и спустился чёрным ходом во двор кормить черепаху Таню.

3

Старый Египетский мост охраняют сфинксы. Два – на коломенской стороне, у нас, и два – на другой, египетской.

Уже полгода мы с Женькой Йонихом мечтаем сбежать в Египет. Женьке мешает скрипка, мне – ничего не мешает, но без Женьки я не могу: сами понимаете – дружба.

Йоних – человек гениальный, его мама, Суламифь Соломоновна, в этом абсолютно уверена, особенно в его музыкальном слухе. А я – так себе, серединка на половинку, просто человек, одним словом.

Собственно говоря, идея сбежать в Египет принадлежала Женьке. Я уже не помню, почему он выбрал Египет, а не дебри Борнео и не Соломоновы острова. Наверное, Египет тогда нам казался ближе. В Египет ходил трамвай – забирался на Египетский мост, немного медлил и проваливался за дома-пирамиды.

Зато я отлично помню, от чего он хотел сбежать – от этой своей гениальности, в которую он не верил.

4

Женька Йоних с утра репетировал – возле открытой форточки вместо утренней физзарядки. Скрипка ещё спала, и звук получался сонный. Тонкий, тоньше комариного клюва, он медленно утекал за окно и падал на холодный асфальт. С кухни пахло куриным запахом пищи.

Женька Йоних вздыхал и с ненавистью глядел на скрипку. Скрипка, как половинка груши, спала на его плече. Тогда он больно и с тихой злостью таранил острым смычком её надкушенную середину, она вздрагивала, сонно зевала, и всё повторялось снова.

В клетке на этажерке жил злобный попугай Стёпа. Он слушал и насмехался. Музыка он не любил. Жёлто-зелёным глазом он смотрел на семечки нот, рассыпанных по нотной тетради, и облизывался с жадным прищуром.

5

Женька у себя репетировал, а я с утра пропадал на улице.

Утро было воскресное, и торчать у всех на виду в просыпающейся коммунальной квартире – то ещё, скажу я вам, удовольствие.

Сизый дым сковородок, застоявшееся в тазах бельё, храп инвалида Ртова, от которого дрожат стены и мигает лампочка в коридоре, утренняя очередь в туалет... На улице было лучше.

Посверкивал диабаз, небо перебежали тучки, но день обещал быть тёплым.

Ничего особенного от нашей улицы я не ждал, я знал её как облупленную. Трамваи по ней не ходили, криминальный элемент Кочкин с июня был прописан в колонии, до ноябрьских праздников почти месяц. Друг и тот репетирует по утрам – так что приходится гулять в одиночестве.

Поэтому когда я увидел стоящего у стены человека, то поначалу не заметил в нём ничего особенного. Стоит себе и стоит у дома № 13, голову задрал вверх, над ним на фасаде кариатида, похожая на гипсовых физкультурниц из ЦПКиО; когда-то кариатид было две, но напарницу её в прошлом марте убила ледяная сосулька, когда скальвали с крыш лёд.

Но что-то меня в этом типе заинтересовало.

Какой-то он был не такой, как все. Не совсем такой. Стоял он не то чтобы беспокойно, но всё-таки теребил пуговицу на рукаве. И пусть бы себе теребил, но при этом он удивительно напоминал Лодыгина, нашего лестничного соседа, очень непонятного человека.

Такое же пальтецо, мышинового с пролысью цвета. Те же брюки в кривую линейку. И шляпа – главное, шляпа старинного охотничьего покроя.

А на шляпе – сбоку – жестяная птица глухарь.

И уши, и нос трамплином, и голос – всё было его.

И только рыжие мочалки усов, топырящиеся из-под мохнатых бровей, были, кажется, не его.

Я задумался.

Глаза странного человека закрывали огромные, в пол-лица, очки – коричневые, без просветов, как маска.

Нет, очки были не лодыгинские. Тот носит обыкновенные, и дужка перемотана изолен-той.

Я задумался ещё крепче. Мне сделалось интересно. Я стал присматриваться. Сначала к шляпе с приклёпаным к ней намертво глухарём.

Шляпа на человеке жила своей особенной жизнью. Она тихо сползала ему на глаза, дохо-дила до какой-то черты и, должно быть почувствовав, что пора, быстро падала с головы на асфальт.

Асфальт всхлипывал, шляпа – тоже, человек нагибался за шляпой, и в это время с лица спадали очки.

Так он стоял, сгибаясь и разгибаясь. Сначала падала шляпа, потом, за шляпой, очки. По очереди: шляпа – очки.

Но кто это был, Лодыгин или не он, с места, откуда я наблюдал, было не разглядеть.

Человек стоял рядом с домом, плечом подпирая стену, и в промежутках, когда не дви-гался, напускал на себя вид человека, который очень старательно высматривает кого-то на улице. Слишком старательно – и дураку было ясно, что смотрит он для отвода глаз. Я это понял сразу. Но это было ещё не всё. Не самое любопытное. Интереснее было другое.

Рядом с ним стоял другой человек, без шляпы.

Ростом этот второй был ниже первого ровно на высоту шляпы, это когда у первого она держалась на голове. Стоял он ровно, не сгибаясь – не разгибаясь.

Лица у них были похожи. Вернее, очки на лицах. Коричневые, огромные, как будто куп-лены в одном магазине.

Я тихонько присвистнул и продолжал наблюдать.

Похоже, у этого, что держался ровно, болели зубы. К щеке его прирос какой-то бабий идиотский платок в маринованный зелёный горошек да ещё сверху перевязанный узелком. Как заячьи уши.

Стояли эти двое тоже как-то не по-людски, а друг к другу спиной. Они как бы не замечали один другого, как бы старались всем показать, что знать друг друга не знают и совсем друг другу неинтересны.

Такая вот загадочная картинка.

Поначалу картинка была немой. Только глухо стучала шляпа, звякали об асфальт очки да с задержкой в четверть секунды до поворотни, откуда я наблюдал, долетало гулкое эхо.

Но что-то было ещё – какое-то бормотанье, чей-то голос, невнятный и шепелявый, скры-вающийся за бубном очков и глухим барабаном шляпы. Чей только?

Я навёл на резкость глаза и увидел, как у первого шевелятся губы. Голос был определён-но Лодыгина. Говорил он как бы в пространство, как бы беседовал сам с собой, а второй, стоящий к нему спиной, как бы его не слушал.

Не слушал-то он не слушал, только ухо его дёргалось, как укушенное, когда у первого шевелились губы. Потом проходило время, и первый, наговорившись, давал губам отдохнуть.

Тогда начинал другой. И всё менялось местами. Второй шевелил губами, а первый как бы его не слушал.

Сцена была удивительная. Эти двое стояли, пока не думая расходиться. Ветер трепал их пальто, ёжик на голове бесшляпого волновался, словно пряди Медузы, а в несчастную шляпу первого, когда она падала на асфальт, наметало палой листвы из садика на углу с переулком.

Тогда первый хватал свою шляпу и, словно библейский сеятель, расшвыривал их оттуда по сторонам.

Надо было что-то решать. Улица уже оживала, и ясно было, что долго этим двоим не выстоять.

6

– Господи, ну я-то в чём виновата! – сказала мама, Суламифь Соломоновна. – Снова валяешь дурака?

– Я репетирую, – сказал Женька и смычком уколол струну.

– Врёт, – сказал попугай с нагловатой попугайской улыбкой.

– Вижу я, как ты репетируешь. Это ж подумать – всё для него, себя ради него не жалею, а что взамен? Чёрная неблагодарность! «Я репетирую». Если б Ойстрах так репетировал, кем бы он стал? Ойстрахом? Водопроводчиком он бы стал. Тебе абсолютно не важно, что говорит мать. Меня ты не слушаешь. Но если я для тебя ничто, то хотя бы ради памяти твоего покойного дедушки не сиди сложа руки. Работай.

– Я не сижу. Я репетирую.

– Ну хорошо, ладно. Это хорошо, что ты трудишься. Ты ещё маленький и многого в жизни не понимаешь. И может так получиться, что, когда поймёшь, будет поздно. Так вот, чтобы не было поздно, ты должен меня во всём слушаться. Я твоя мать и плохого тебе не желаю. Как ты этого не понимаешь!

Глаза её стали влажными и коричневыми от заботы и от печали.

– Мама...

– Нет, ты не понимаешь. Пойми, у тебя способности. Ты сам не знаешь, что у тебя способности. А я знаю. И я их разовью. Так что, не думай, водопроводчиком у тебя стать не получится. Не для этого я тебя родила. Вот увидишь, я сделаю из тебя Ойстраха.

Нитка с китайским жемчугом дрожала у неё на груди. Мама теребила жемчужины, оживляя их тёплыми подушечками ладоней. Попугай, тревожно нахохлившись, приняхивался к куриным запахам кухни. Петушок на кухне, уже опалённый, уже отпевший лебединую свою песню, томился в тесной кастрюльке в золоте бульонной воды.

Жемчужины играли на солнце на белой материнской груди. А петушка принесли им в жертву, чтобы они играли на солнце, а порча и коварная чернь не подкрадывались их погубить.

Мама знала, как спасти жемчуг, – знала от своей мамы, бабушки Женьки Йониха, а та ещё от своей, и так далее, от матери к дочери, в мудрую глубину веков.

Надо было дать склевать жемчужины петуху; там, в петушьей утробе, жемчуг набирал силу, а через день, к субботе, петух приносился в жертву, внутренности из него вынимались, и жемчужины, все новенькие, как одна, снова радовались своему воскресению.

Мама, Суламифь Соломоновна, сказала сыну:

– Играй. – И ушла из комнаты.

Женька Йоних печально вздохнул и подумал про свой Египет.

За окошком над полосатыми крышами полз по небу жук-скарабей. За Фонтанку, по белу небу, и лапками катил перед собой солнце.

Женька тронул струны и тихонечко заиграл.

7

Улица оживала.

Прошаркал вялый инвалид Ртов выпить квасу в Покровский сад. Молодые мамы выкачивали коляски. Прохожих становилось всё больше.

Надо было что-то решать. Улица сама и решила.

«Сделаться на время прохожим. Ну конечно. Проще простого».

Превратиться в прохожего, пройти мимо этих двоих и послушать, о чём они там щебечут.

Прохожий – вещь незаметная. Он в каком-то смысле предмет. Как тот фонарь, или эта стенка, или урна, или копейка на мостовой.

И поскорей, пока эти двое не разбежались.

Я вышел из подворотни, быстренько одолел улицу и свернул за угол на проспект. Постоял, сосчитал до двух и опять вернулся на улицу, на ту сторону, где стояли они.

Что на свете серее пыли? Мышь. А серее мыши? Правильно, школьная форма.

В своём мышинном костюмчике я чувствовал себя невидимкой. Костюмчик был мешковатый, то есть сильно напоминал мешок. Мешок, а в мешке – я на фоне длинной серой стены дома № 31.

Игра в прохожего мне понравилась. В ней главное – быть естественным, вести себя по-простому, средне, не выделяясь. Примерно так же, как в жизни.

Я шёл себе руки в брюки, насвистывал «Подмосковные вечера» и, как бы шурясь от воскресного неба, присматривался к таинственным незнакомцам.

До них оставалось домов пять или шесть. Я уже приготовил уши. Вот тут-то и случился конфуз.

Дом № 23 был цветом не такой, как другие. Другие стояли серые – от времени и от скуки, – а этот весь был какой-то бледный, золотушно-чахоточный, и стоял, опираясь, будто на костыли, на старые водосточные трубы.

Моя серая мешковина на фоне этой больничной немочи была как толстый рыночный помидор на тарелке с магазинными сухофруктами.

Плакала моя маскировка.

Но тут я вспомнил, что у куртки существует подкладка. И цвет примерно подходит.

Долго я не раздумывал. Вывернул на ходу одежду и иду себе не спеша дальше, свищу «Подмосковные вечера».

Прошёл я желтушный дом, вывернулся серым наружу и снова стал как мешок.

Пронесло.

На этих я уже не смотрел, боялся спугнуть. Глаз, ведь он как фонарь – его издали видно. Поэтому я работал ухом, помогая ему ногами.

И всё же я немного не рассчитал. Вернее, глаз мой дал маху, засмотревшись на какую-то вмятину на асфальте. Правда, вмятина была интересная и по форме сильно напоминала шляпу Лодыгина. Поэтому когда я услышал голос, то сначала чуть не подпрыгнул, но тут же взял себя в руки.

«Спокойно», – сказал я себе и весь превратился в слух.

– Значит, так, – говорил Лодыгин (голос был точно его), – главное, чемоданы. И всех расставь по местам. Чтобы ни один у меня...

Дальше я не расслышал. Ноги сами несли вперёд, и что-то больно давило в спину. Я догадался что. Взгляд, тяжёлый и липкий, словно глина или змея.

В воздухе запахло больницей.

«Не оглядывайся. Ты прохожий, терпи».

Я чувствовал: обернёшься – застынешь каменным истуканом и останешься таким на всю жизнь.

За углом я выдохнул страх и глотнул осеннего воздуха. Небо было в солнечных зайчиках и вёртких городских воробьях. Но почему-то перед моими глазами плавали раздутые чемоданы. Как утопленники, как накаченные газом баллоны, как гигантские городские мухи. И шептали мне лодыгинским голосом: «Теперь ты наш, теперь от нас не уйдёшь».

8

Я смотрел на Женькины занавески и ждал, когда он откликнется. Мелкие камешки нетерпения перекатывались у меня под кожей, не давая спокойно жить. Изнутри колело и жгло, как будто я проглотил горячий пирог с ежами.

Надо было срочно поделиться новостью с другом.

Я ещё раз свистнул в окошко условным свистом. Женька не отвечал. Легонько дёрнулась занавеска – видно, от сквозняка, – и из щели выглянул тяжёлый угол комода.

Со скрипкой он там, что ли, своей обнимается? Я нервничал, новость жгла. Я пошарил вокруг глазами, высматривая, чем бы бросить в окно, но ничего подходящего не нашёл. Придётся тратить драгоценный мелок. Я прицелился и запустил им в стекло.

Мелок влетел точно в форточку, в прореху между тюлевыми занавесками. Я свистнул на всякий случай ещё, чтобы не подумали на уличных хулиганов.

Занавеска взмахнула крыльями, я вытянул по-жирафьи шею. Хитро, как преступник преступнику, мне подмигнул комод. Потом он пропал из виду, потому что на его месте вдруг возникла Суламифь Соломоновна, мама Женьки. И жалкими высохшими тенями, будто уменьшенные с помощью волшебного порошка, маячили между пальмами на обоях Женька и его скрипка.

Створки щёлкнули, и окно открылось. Солнце ударило из-за труб, волосы Суламифи Соломоновны окутались золотым дымом. Теперь она была не просто Женькиной мамой, она была библейской Юдифью со знаменитой эрмитажной картины. Я чувствовал, что моя голова почти уже не держится на плечах.

Я поднял глаза и хотел промычать «здрате», но её жемчужное ожерелье слепило, будто электросварка.

– Это жестоко, молодой человек. Посмотрите, что вы сделали с птицей.

В ямке её ладоней лежал контуженный попугай Стёпа. Голова его была вся в мелу, хохолок, когда-то изумрудно-зелёный, стал грязнее обшарпанной штукатурки. Он с трудом повернул голову и хрипло воскликнул: «Умерр!»

Потом трагически закатил глаза. Потом приподнялся на правом крыле и, откинув левое в сторону, тихо сказал: «Врача».

К горлу Суламифи Соломоновны подкатилась солёная волна жалости. Она сглотнула, шея её надулась, она хотела что-то сказать, но не успела – нитка с жемчугом оборвалась, и на серый асфальт земли просыпался звонкий дождь.

Несчастливая Суламифь Соломоновна заметалась, словно пламя в лампадке.

– Ты... ты... – Она тыкала в меня пальцем, как будто это я перетёр ниточку взглядом.

– Ты... – И вдруг она замолчала, вместо губ заговорили глаза, наливаясь жемчужинами-слезами.

Попугай в секунду превратился в живого и, разбрасывая облачка мела, поскорей улетел в комнату.

Надо было Суламифь Соломоновну выручать.

– Сейчас, – крикнул я и первым делом кинулся выручать ниточку, которую ветер прилепил к урне. Я поднял её, бережно намотал на палец и, ёрзая коленями по асфальту, пополз собирать жемчужины.

Но ветер оказался проворнее. Он ударил тугой струей, полетели по мостовой листья, упали с проводов воробьи, толстые осенние голуби запрыгали, как войлочные мячи, и застряли в Климовом переулке.

А когда улеглась пыль, жемчужин больше не было ни одной, всех их склевали птицы. Тогда я смотал с пальца ниточку и весело помахал ею в воздухе.

– Вот...

Наверное, улыбка моя была слишком широкой, потому что Суламифь Соломоновна вдруг сделалась белой-белой, а потом вдруг сделалась красной, почти бордовой, но это была уже не она, это была каменная плита комода, нависшая над моей могилой.

9

Воскресенье кончилось, начался понедельник.

Опять было утро, но квартира уже молчала – родители ушли на работу, соседи тоже, остался лишь инвалид Ртов. Он сидел на кухне на табурете, ремонтировал свой костыль. Потом хлопнула дверь на лестницу, это пришёл с ночного дежурства ещё один наш сосед – Кузьмин.

Дядя Петя Кузьмин работал где-то в охране и зимой и летом носил шинель и зелёную пограничную фуражку. Ещё он курил трубку – «в память о товарище Сталине».

В школу я ходил во вторую смену, утро было свободное, уроков на понедельник не задавали.

Я валялся на пролёжанной оттоманке и лениво грыз авторучку. Передо мной лежала тетрадка, на обложке было написано красивыми буквами: «Тайна ракеты». Ниже тянулись буквы помельче: «научно-фантастический роман».

Писать роман я начал ещё в прошлое воскресенье – от скуки, потому что день был пропавший, с утра поливало как из ведра и на улицу идти не хотелось.

Первая глава начиналась так:

«Я шёл по дремучему лесу и вдруг увидел человека в скафандре, который со зловещей улыбкой смотрел мне прямо в спину. Я почувствовал недоброе. Вдруг он выхватил атомный пистолет и нажал курок. Я нагнулся, и атомная пуля пролетела мне прямо над головой. Пока он перезаряжался, я отбежал за дерево и вдруг увидел ракету, которая стояла, как зловещая сигара. Вдруг в ракете открылся люк. Я залез в люк, и вдруг она полетела вверх. Я увидел в иллюминаторе, как человек в скафандре бежит к ракете, но было поздно. Ракета уже приближалась к космическому пространству».

На этом месте первая глава обрывалась, и я кусал несчастную авторучку, не зная, что написать дальше. Будто это она была виновата.

На кухне грохнул об пол костыль. Я приоткрыл дверь в коридор.

– Пестиком, я тебе говорю, – сказали голосом дяди Пети.

– А я говорю, пальцем. – И снова бухнула деревяшка Ртова.

– Знаешь, что пальцем делают? Им в носу ковыряют. А трубку товарищ Сталин всегда набивал пестиком. У него был такой специальный, ему тульские оружейники его к юбилею сделали.

– Ты это старухе своей рассказывай насчёт пестика. Трубку товарищ Сталин набивал пальцем, вот этим, большим, потому что был человек простой.

Что-то там у них заскрипело – видно, инвалид стал показывать, как товарищ Сталин набивал трубку.

Через пару секунд я услышал:

– Ртов, ты на фронте был? Вшей в окопах кормил? Может, скажешь, фашистским танком ногу тебе отдало? Чемоданом тебе её отдало, когда драпал за Урал в тыл.

«Чемоданом». Я даже вздрогнул, едва услышал знакомое слово.

На кухне затрещал табурет.

– В тыл, говоришь? За Урал? Ну всё, вохра поганая, сейчас я тебя буду ставить к стенке.

Дядя Петя хрипло расхохотался.

– Сам я таких, как ты, ставил к стенке, бендера.

На кухне запахло порохом. Надо было срочно бежать во двор, пока не ударила тяжёлая артиллерия.

10

Человек Лодыгин аккуратно подышал на очки и протёр их насухо тряпочкой.

Телескоп он приготовил заранее: тот с вечера дремал на треноге и дулом был повернут во двор.

Будильник прозвенел девять.

Лодыгин окунул глаз в окуляр и увидел чёрную ночь. Он ещё раз посмотрел на будильник: утро, две минуты десятого. Приставил будильник к уху: ходит.

Тогда почему ночь?

Он сдвинул шляпу на лоб и подёргал волосы на затылке. Походил, подумал, хлопнул себя по шляпе, танцуя, подошёл к телескопу и снял с него переднюю крышку. Потом снова заглянул в окуляр.

Теперь он увидел двор. Во дворе было пусто и тихо. Ни травинки, ни человека – осень.

– Опаздывает, – сказал он вслух. – Вот и связывайся с такими.

На стене висела картина «Утро в сосновом лесу». Под картиной стоял аквариум – стеклянный пятиведёрный ящик, наполненный рыбками и водой.

Декоративная пластмассовая коряга изображала морское дно. Рыбки плавали у поверхности и тянули из воды рты.

– Нате жрите, – сказал человек Лодыгин, снял со стены картину и стряхнул в аквариум тараканов, пригревшихся на заднике полотна.

На лицо его выскочила улыбка. Он затёр её рукавом и только потянулся за папиросами, как ухо его задрожало и повернулось к окну. Что-то в нём, в ухе его, аукнулось.

Человек Лодыгин вмиг позабыл про рыбок и папиросы и бросился к телескопу.

На сморщенной ладони двора стоял человек. Человек этот был я, но только большой и сильный. В этом был виноват телескоп.

Лодыгин всё-таки дотянулся до папиросы и выпустил стебелёк дыма.

– Ты-то мне, голубчик, и нужен, – сказал человек Лодыгин и выпустил ещё один стебелёк дыма. На конце его вырос дымчато-голубой цветок, пожил немного и умер от сквозняка.

– А этого мерзавца всё нет, – он хмуро посмотрел на будильник, – опаздывает на пятнадцать минут. Если минута – рубль, то с него пятнадцать рублей.

– Шестнадцать. – Человек Лодыгин проследил, как стрелка перепрыгнула на одно деленье, и стал ждать, когда выскочит ещё рубль.

11

Я вышел в наш молчаливый двор и задумался о времени и о дружбе.

К Женьке было нельзя, теперь уже, должно быть, навечно. Черепаша Таня ещё спала, она у нас была полуночница. Делать было решительно нечего. Ладно, пойду домой, вдруг бойцы на кухне перебили друг друга и можно спокойно повыпиливать лобзиком.

И тут я услышал голос. Он вырвался из трубы подворотни, как полоумный пёс.

– Ножи точу! – закричало над моим ухом, и в облаке серебряной пыли на двор выкатился старик.

Перед собой он толкал что-то похожее на патефон на колёсиках – такое же хриплое и горластое, прилаженное к металлической раме и в брызгах трамвайных искр.

– Семнадцать рублей двадцать четыре копейки, – сосчитал у себя наверху человек Лодыгин. Потом, не отлепляя глаза от окуляра, дотянулся до широкого подоконника.

На подоконнике храпел кот. Он был чёрный, как головешка, и тяжёлый, как чугунный утюг. Хвост у кота был огненный, как свёрнутое в трубочку пламя.

Рука Лодыгина взяла кота за загривок и развернула хвостом к окну. Кот лениво разжмурил глаз, зевнул и захрапел дальше.

– Ножи! Точу! – Старик, щурясь, сначала посмотрел на меня, потом внимательно оглядел двор, потом сунулся взглядом в окошки и быстренько прошёлся по ним.

На каком-то он, похоже, споткнулся, потому что сказал: «Ага» – и снова посмотрел на меня.

– Поганный у вас, однако, дворишко, не разживёшься. Эй, шпанина, ты тутошний?

Человек Лодыгин приставил к уху метровую слуховую трубу, а конец её вывел в форточку.

– Тьфу, прости господи! Ну как с такими невеждами культурному человеку дело иметь! От него ж тюремной баландой за километр пахнет. Помягче надо, мягче, дитё ж, а не чёрт лысый. Нет, пора останавливаться – не хочу, не могу, не бу...

Стоптаным ржим ботинком старик давил на рубчатую педаль, а голосом давил на меня.

– А что? – спросил я.

– А то, – сказал мне старик. – Значит, местный?

– Ну местный.

– Вижу, что не американец. А скажи, ты не сирота?

В его мохнатых глазах не плавало ни капли улыбки.

– Это почему сирота? Не сирота я.

– Ага, не сирота, жаль. Если бы ты был сирота, я дал бы тебе вот это.

Старик вынул откуда-то из себя конфету «Мишка на Севере» в сморщенной вощёной обёртке.

– А раз ты не сирота, то получай вот это.

Конфета забила вместе с рукой в рукав, а оттуда вылезла жёлтая костлявая фига.

– Ножи-ножницы-топоры-пилы-точу-правлю-цена умеренная! – заорал он на всю вселенную.

Двор ему не ответил.

– Что, сирота, обиделся? Ладно, я пошутил. Бери.

Он снова достал конфету, но теперь уже из-за пазухи, и протянул мне. Я покрутил головой.

– Гордый, – сказал старик. – А ты её, гордость-то, дома держи, за печкой, где тараканы, а то, не ровён час, споткнёшься о какой-нибудь чемодан. Бери конфету. Попробуй только у меня не возьми!

И этот про чемоданы. Что они, сговорились, что ли? Ладно, возьму. Я взял.

Конфета была пустая, одна обёртка. Такая же фига, только упакована по-другому. Я пожал плечами и подождал, пока старик отхохочется.

Он вытер рукавом слёзы. Потом хмуро оглядел двор и снова уставился на меня:

– Ты чего?

– Что «чего»?

– Может, ты ненормальный? Нормальные или смеются, или сразу по морде. А ты стоишь как дубина, даже не плюнул. Тебе сколько лет?

– Десять.

– А, небось, пионер, «Пионерскую зорьку» слушаешь. А конфетку-то взял, не побрезговал. Любишь сладенькое, сиротка. Слушай, а маманька у тебя дома? Может, ножик ей поточить? Или для папани топор?

Он икнул, должно быть – вспомнил приятное.

– А то, что одна обёртка, это и хорошо. Зубы не заболят.

Тут он вроде бы про меня забыл и взялся за точильное колесо. В руке его уже был тесак, такими мясники рубят мясо. Башмак сыграл на педали «румбу», ремень пошёл, колёсико завертелось, мохнатые брови, чтобы не облысеть, ловко забегали по лицу, уворачиваясь от сухого ветра и летящих из-под точила искр.

Я совсем уже собрался идти, наевшись досыта дедовых бородатых шуток, бумажных чучел мишек на севере, беганья мохнатых бровей, – и ушёл бы, надо было уйти, но ноги почему-то стояли, а сам я бараньим взглядом пялился на его работу и глаз не мог отвести.

Время шло, ноги стояли, искорки летели в лицо. Надо было что-то сделать или сказать. Я промямлил первое, что пришло на язык.

– А мне можно попробовать? – И для верности добавил волшебное слово: – Пожалуйста. Ботинок замер, насторожившись. Брови вспучились, приоткрыв глаза.

Точильное дело остановилось. Искорки ещё чуть-чуть полетали, потом упали на землю и спрятались кто куда.

Старик почесал тесаком за ухом, взгляд его прыгнул вверх, погнавшись за невидимой мухой, и, должно быть, догнал – воздух треснул, как грецкий орех, тесак молнией расколол его на две половинки и врезался острым краем в бешеный круг точила.

Выплеснулся адский огонь. Старик прикурил от адского огня папироску и ласково говорит:

– Попробовать – оно можно, только нынче это дорого стоит. Деньги у тебя есть?

Денег у меня не было, откуда им у меня быть. Я печально опустил голову.

– Ладно, деньги можно потом. Давай, пионер, пробуй.

Я рта раскрыть не успел, как он уже впихнул мою руку – левую – в какое-то кольцо на точиле, чем-то щёлкнул, что-то там привернул, крикнул, сказал: «Порядок» – и в правую мою руку вложил пудовый ржавый резак.

– Педаль, – скомандовал точильных дел генерал, и та по его команде намертво схватилась с подошвой.

Я дёрнулся, хотел её отлепить, она пошла вместе со ступнёй вверх, потом потянула вниз – точильный круг завертелся, а резак без всякой моей охоты сам приткнулся к точилу, словно к магниту гвоздь.

– Точи, пионер, точи, будённовцем будешь.

Рука моя уже не могла – болела и просила пощады. Ногу крутила судорога. «Спасибо, хватит», – хотел я крикнуть говорливому старику, но рот забился ржавой металлической крошкой, и вместо слов полезли рыжие пузыри; они лопались и шипели на вертящемся колесе скородки.

Я сам был уже не рад, что связался с чёртовой старикашкой: дёрнул левой рукой – никак, только заболело запястье; хотел освободить правую, но тесак ввёлся рукоятью в ладонь, а пальцы затвердели как каменные.

Двор накренился и поплыл под ногами, я стоял и вроде бы шёл, потому что стало темнее и легонько ударило сквозняком; я увидел, что стою в подворотне, вернее, не стою, а иду – какая-то упрямая сила затягивала меня, как пёрышко, в невидимую воздушную яму.

Свободной ногой, как якорем, я пытался затормозить, но сила была сильнее: я стал галерным рабом, прикованным цепями к точилу.

Свет в конце подворотни, может, и был спасением, но только не для меня.

Колесница, запряжённая мною, резво выкатила на улицу, стариковские башмаки так же резво топали сзади, мы свернули направо, и тут я услышал, как хлопнула дверь парадной.

– Нет, брат, что там ни говори, а – пестиком. Но против пальца тоже не возражаю. Иногда бывало и пальцем.

– Пальцем-пальцем, а пестиком – только на военных парадах.

Это дядя Петя и инвалид Ртов, чтобы скрепить перемирие, вышли в Покровский сад выпить квасу.

– Сашка! Ну у тебя и велосипед! – крикнул дядя Петя Кузьмин.

– А это что за карась? Опять, что ли, родственник с Новгородской? – сказал инвалид Ртов.

И тут я закричал:

– Помогите!

Дальше помню только пляшущий костыль инвалида да то, как стоптанные дедовы башмаки мелькают между деревьями садика, словно рыжие пузатые тараканы.

Вместе с дедом сгнуло и точило.

12

Смоляной бычок-тепловоз стоял, пригорюнившись, у перрона и говорил вокзалу: «Прощай». За спиной его переминались вагоны.

Ещё один тепловоз, дрожа железным хвостом и нервно кусая рельсы, пристроился у вокзальной стрелки и ждал, когда подадут зелёный.

Кошачий глаз светофора всё не хотел мигать: поезд не принимали. Подходы к шестой платформе занял «Северомуйск—Конотоп» – состав был цвета тоски.

Северомуйские жители тёрлись лицом о стекла, прощаясь с транзитным перроном. А тот, захоженный тысяченогой толпой, стоял на месте и всё не трогался – не хотел.

Пассажиры уже обжились, укладывались на общих местах, шипело ситро, лопалась яичная скорлупа – уже как будто и ехали.

А через перрон, напротив, позёвывали вагоны люкс состава на Симферополь.

Носильщик бляха № 15 покуривал в начале перрона, глядя, как тёплый воздух съедает папиросный дымок. С утра он уже наломался, и ничего ему сейчас не хотелось – ни взваливать на телегу багаж, ни переть его, потея, к вагону. Стоять бы так и стоять, а денежки чтобы ходили сами. И когда он услышал голос, то сказал в уме: «Подождёт».

– Свободны? – повторил голос.

Но и бляха привык себя уважать. «Ещё раз спросит, может, тогда отвечу. Бог любит троицу». И пустил табачное колесо.

– Уважаемый, вы чего – оглохли? Я вас спрашиваю.

Бляха № 15 нехотя приоткрыл глаз, потом оба, потом раздвинул их в пол-лица и быстро отступил за тележку. Перед бляхой на асфальте перрона стоял и смотрел на него в упор чёрный кожаный чемодан. Взгляд его был пристальный и недобрый. А рядом с этим пристроился такой же второй – наверное, его близнец. И так же хмуро смотрел на бляху.

Бляха вмиг поскучнел. Папироса догорела до гильзы, и, чадя, занялась бумага. А он стоял как пришибленный, глотая вонючий дым.

Чемоданы тоже стояли. И ладно бы просто стояли – один из них, что был слева, прокашлялся и говорит:

– Мне бы на симферопольский, десятый вагон.

«Всё, – решил для себя бляха, – с квасом надо кончать».

Сзади была стена, за стеной – зал ожидания. Влево-вправо – тоже не развернёшься. Впереди – два чернокожих дьявола, говорящие по-людски.

Все пути перекрыты, бежать некуда, разве что к Богу в рай.

Он вытер горячий лоб, с тоской посмотрел на небо, но дорога к райским обителям была перегорожена тучей.

– Послушайте, поезд сейчас уйдёт.

«Поезд? В рай поезда не ходят». Бляха сморгнул соринку, затёкшую вместе с потом в глаз. После встряхнул головой.

Перед ним стоял человек. Плащ защитного цвета, кепочка набекрень, под козырьком – лепёшка: нос, глаза, две ноздри. Такого среди вещей и правда немудрено не заметить.

Душа у бляхи отмякла. Он выбросил прогоркшую папиросу и закурил новую.

– На симферопольский, говоришь? – Бляха посмотрел на часы. – Поздно, уже ушёл.

– Да как же ушёл – не ушёл. Вон он, на пятой платформе. – Человек замахал руками.

– Сказано, ушёл – так ушёл. Слышишь, дымком запахло?

– Это северомуйский ушёл, а мой ещё вон стоит.

Бляха пожал плечами:

– Ушёл, не ушёл – не моё дело. На пятую платформу не возим, чужой участок.

– Друг, выручите. Опаздываю.

Но бляха знал себе цену.

– На третью отвезти – могу. Хочешь на третью – грузи чемоданы.

– Да зачем мне на третью? Мне на пятую, к симферопольскому.

Бляха знал, что он делает. В носильно-тележечном ремесле он разобрался тонко.

Главное – выждать момент, когда поезд вот-вот уйдёт. Тогда клиент последние штаны с себя снимет. А так, за тридцать копеек – пускай дураки работают.

Бляха курил и слушал, как лязгнули малиновым звоном буферные сцепки вагонов. У симферопольского, на пятом пути.

– Господи, – сказал человек.

Бляха, тот не сказал ничего, он ещё не докурил папиросу.

– Ну, – сказал наконец бляха, – ставь свои чемоданы.

Пассажир сложился скобой, так что выперли на спине под плащом верблюжьей горбы лопаток. Чемоданы грохнули о телегу, и бляха полегонечку тронул.

Поезд уже дрожал.

– Пошибче бы, – нервничал пассажир и брякал в брюках монетами.

– Доставим. – Бляха остановил телегу. – За поклажку не беспокойтесь, – сказал он, неторопливо закуривая. – В целости будет поклажка. Извиняюсь, какой вагон?

Поезда приходят, поезда уходят, а вокзал остаётся на месте.

И с вокзалом – бляхи.

Они стояли рядом, руки положив на тележки, и беседовали о Тунгусском метеорите.

Бляха № 15 тоже беседовал помаленьку, а когда разговор стихал, разглаживал в широком кармане морщинистый трудовой рубль.

Про чемоданы он уже и помнить не помнил, про их хозяина тоже: мало ли на земле чемоданов, и у каждого есть хозяин.

А на ближних путях к вокзалу уже ворочался «Симферопольский № 2».

Бывает и на бляху проруха – метеорит ему надоел, и пока в расписании дырка, он отправился в тележечный цех забивать козла.

И как раз когда второй симферопольский мягко пристал к платформе, у бляхи на «пусто-пусто» выпало два пролёта. Сожрал костяной козёл пбтом добытый рубль. Сожрал и не подавился.

Бляха плюнул со злости в стенку, но не попал.

Когда он выкатил на платформу, эхо боя за пассажиров уже затихло. Гроздьями с бляшых тележек свисали сумки и чемоданы. Бляха тырк туда, тырк сюда, но поздно – бляхи своего не уступят. Это тебе не Тунгусский метеорит.

Он угрюмо посмотрел на 12-го, как тот прёт свой небоскрёб по перрону. Да в руках ещё по три чемодана, да на горбе мешок с абрикосами.

И вдруг вдали на платформе, где и вагоны попроще – не пассажирские, а прицепной товарняк, и народу – одни вокзальные собачонки, замаячила пятёрка ладони. И тянулась эта ласточка, эта птичка не к кому-нибудь, а к бляхе, к нему.

– Вот кто мне ответит за «пусто-пусто», – сказал он, взметая пыль, и покатил туда.

Ласточка ещё трепетала, когда он одолел перрон. Лихо притормозив ногой, бляха сразу же схватился за чемоданы, пока клиент не раздумал. Пристроил их на тележке плотненько, чтобы не растрясти на трещинах и ухабах перрона, погладил чёрную кожу, и – руку словно бы обожгло. Рука почувствовала что-то очень знакомое – впадинку ли, пупырышек, рубчик на чемоданном боку.

Лоб его насупился, вспоминая. Глаза задумчиво сползли с чемоданов, перебежками добрались до пассажира, и губы сделали вдох.

Перед ним стоял точь-в-точь такой же клиент, как тот, которого он недавно отправил. Те же смазанные глазёнки, горбыль носа свесился вбок, защитного цвета плащ, кепочка из козлины.

– На площадь перед вокзалом, – сказал он как ни в чём не бывало.

– Ах на площадь? Я тебе покажу «на площадь». Сгружай своё барахло. Это что ж... Это ж ещё не уехали, а уже приехали?

Пассажир стоял перед ним, ковыряя между губами спичкой.

– Имейте в виду, – сказал он, – что я заканчивал технический вуз. Так что, уважаемый, надо знать, с кем имеешь дело.

У бляхи посолонело в горле.

А, думает, пёс с тобой, главное, чтобы гнал монету. Но, однако же, дело тёмное.

– На площадь перед вокзалом, – повторил этот, что ещё не уехал, а уже приехал.

И всё, и больше ни слова, лишь шкрябанье подошв о перрон.

Бляха тоже сначала молчал, но когда уже выкатывали на площадь, не выдержал пустоты во рту.

– А почём нынче в Крыму помидоры?

Но по Лиговке стрекотал трамвай, и, видно, пассажир не расслышал. Бляха гнал свою поклажу как бог. Там обгонит кого, здесь кого перегонит – шёл ровно и не сворачивая, чувствовал колесо.

– Здесь, – сказал ему человек и пальцем показал в землю.

Бляха сгрузил чемоданы и поставил их в тень тополя.

– Что-то сдачи... – сказал он, нырнув в карман, когда дело дошло до сдачи. А вынырнув из кармана, он увидел лишь пыльный тополь да две вмятины на пустой земле – на память от чумных чемоданов.

В животе гулял холодок, время приближалось к обеду. Бляха медленно катил вдоль стены, скучая и дымя папирасой. И когда его скучающий взгляд сунулся в милицкий щит, где висели объявления о розыске, сердце у него помутилось и душа наполнилась шумом.

Там, на сером щите, под угрюмой строкой «РАЗЫСКИВАЮТСЯ», увидел он *то* лицо. Нос, глаза, две ноздри, кепочка из козлины. *Тот* нос. *Те* глаза. Всё *то*. И кепочка тоже *та*.

13

Я ему рассказал всё: и про вчерашний уличный маскарад, и про сегодняшнее дворовое приключение.

Он подумал и говорит:

– Ты такое слово – «шпиономания» – знаешь?

– Нет, – отвечаю я.

Он опять подумал и спрашивает:

– Ты что в последнее время читал?

Тут я мог чем похвастаться.

– «Зубы дракона», – говорю, – «Когти тигра», «Щупальца спрута», «Бацилла № 15», «Синий тарантул»...

– Хватит, дальше не надо. Смотри, утки летят.

За окнами над школьным двором по облачной белой дороге летели утки.

Короткая утиная стая. Они пропали за крышами, но мы ещё смотрели туда, где только что был их след.

Я хлопнул кулаком по лбу:

– Да, забыл – ещё «Пленники подземного тайника».

Женька поёрзал за партой и внимательно на меня посмотрел. Сидел он у окна слева, парта наша была последней, спереди нас прикрывали Жуков и Карамазов, один был длинный, другой коротенький, как бочонок, и оба сидели молча – должно быть, спали.

– Раз «Щупальца спрута» – значит дело серьёзное, – сказал Женька. – Жаль, что всё это теперь без меня. Сегодня я уезжаю.

Куда, я уже не спрашивал, слишком египетскими стали его глаза, чтобы не понимать куда.

– Женька, а может, завтра? Завтра я бы тоже с тобой.

– Ты теперь не со мной, ты теперь со своими тарантулами.

Я понял, он мне просто завидует, и мне его стало жалко.

– Хорошо, сегодня, но давай вечером. – Я страшно не любил темноту и знал, что он это знает. Поэтому и предложил вечер. – Когда у нас последний трамвай?

Женька посмотрел на меня, Египта в его глазах уже не было, были хитрые паучки вопросов, насаженные на крючок удивления.

– А этот твой Лодыгин, он не артист? В цирке он не работает?

– В цирке? Кажется, нет. А ты почему спрашиваешь?

– Понимаешь, однажды на остановке я видел человека с хвостом.

– Как? С хвостом?

– погоди, сначала дослушай. Стою я, значит, на остановке, и он стоит. Я сначала не понял, что он с хвостом, потом вижу, люди вокруг шушукуются и на него поглядывают. Я тоже на него посмотрел и вижу – у дядьки за спиной хвост. Метёт он им по асфальту – билетики, пыль, окурки всякие в кучку у фонаря сметает. А потом вдруг как заволнуется, покраснел – понял, что люди на него смотрят, и говорит. Товарищи, говорит, извините, забыл хвост отстегнуть. С работы, говорит, еду, работа такая у меня, говорит. Отстёгивает он свой хвост, а тот у него жёлтый, как веник, и к себе в портфель прячет. В общем, он был артист. Может, и эти тоже?

– Насчёт второго не знаю, а что Лодыгин не артист, это точно.

– Ну, может, он в художественной самодеятельности, ты ж не знаешь. Стой, я придумал. Надо пойти к нему и спросить.

– Как! Просто взять и прийти домой?

– А что?

– Это же не по... – «Правилам», хотел я сказать. Как ведь положено: сделать сперва ходули, подойти незаметно на ходулях к окну и подсмотреть, что делает враг. Главное, чтобы ходули были высокие, доставали до нужного этажа. Паша и Толик в «Тайне „Соленоида“» поступают именно так.

Но я вовремя вспомнил про точильщика и его точило. И ещё подумал, а что бы сейчас со мной было, если бы дядя Петя и инвалид Ртов не пошли тогда выпить квасу. И почему-то эта мысль и это воспоминание соединились со вчерашним уличным случаем, и результат получился скверный. Такой скверный, что домой к Лодыгину – на ходулях или пешком – идти мне очень даже не захотелось.

Я сказал:

– ... Не получится.

– Почему не получится?

– А если его нет дома или у него звонок не работает?

– Знаешь, – Женька с уважением посмотрел на меня, – что-то есть в твоей голове от головы профессора Доуэля.

И тут меня под партой кусили. Я посмотрел вниз и увидел чьи-то мокрые зубы.

Женька тоже увидел зубы и, дождавшись, когда в них откроется щель, сунул туда учебник «Родная речь». Вместо кляпа, чтобы не было крика. Я понял, вытащил бельевую прищепку и надел её мокрозубому подлецу на нос. Пусть знает, как нелёгок труд ловцов жемчуга. Без воздуха четыре минуты.

Отсчитав в уме четыре минуты, я снял прищепку. Учебник мы вынимать не стали, пусть слушает, негодяй, молча.

– Не для того, Капитонов, даны человеку зубы, чтобы другого человека кусать. – Женька хотел сказать что-то ещё, такое же доброе и большое, но двоечник Капитонов надул шершавые щёки и выдохнул изо рта учебник.

– Гады, – сказал он, хрипло и слюняво дыша. – А ты, скрипач, – главный гад. – И уполз под колоду парты.

Урок был медленный, как дохлая кляча, и назывался «Родная речь».

Вёл его наш директор Василий Васильевич, расставив ноги греческой буквой «лямбда» и вытянувшись свечой у доски.

Свет знания едва тлел, освещая только чёрную доску и первые ряды парт, где сидели девочки и отличники.

До парты, где сидели мы с Женькой, слова долетали плохо – вёрткие уши отличников хватили их на лету и втягивали в глубину голов.

Слева от нас, за окном, в каменной коробке двора бегал по кругу ветер, а посередине, из центра земляного квадрата глядела зарешёченным глазом низенькая башня бомбоубежища.

Говорили, что в глубине, под школой – целый подземный город, но поди проверь, когда башню сторожит большой амбарный замок, а ключ от него, по слухам, висит на шее директора Василия Васильевича.

Урок был свободный, как бы не по программе, и Василий Васильевич восковым голосом пересказывал чеховского «Хамелеона».

В конце, как положено, должна была прозвучать мораль, и шестеро человек в классе должны были умереть со стыда, но мы с Женькой были заняты важным делом, Жуков и Карамазов спали в положении сидя, Капитонов наматывал под партами свои двадцать тысяч лье, так что умереть мог один Юрий Степанов, но он, как всегда, спасал кого-нибудь из пожара и поэтому на урок не пришёл.

Я поскрёб авторучкой шею, где прятался клопный укус.

– А может, устроить засаду? Спрятаться у его двери и ждать, когда он войдёт?

Женька помотал головой:

– Ну войдёт он, а что дальше? Ждать, когда выйдет?

Конечно, Женька был прав, но от правды ещё никому не бывало легче.

– Кто читал Чехова, руки вверх, – долетел до нас от доски лёгкий голос Василия Васильевича.

Никакого леса не выросло. Даже девочки и отличники позабыли, где у них руки.

И только одна былинка, один бледный чахлый росток непонятно какой породы пробился возле окна.

Я сам не понял, почему я её поднял. Какая-то тугая пружина подбросила ладонь к потолку, и пять деревянных пальцев за что-то там ухватились. Рука моя была белая, и тень от белой руки, чёрная и тяжёлая, давила мне на лицо.

– Филиппов, – вяло сказал директор, должно быть, и сам не рад, что напоролся на такого рассказчика. – Это вы зачем руку? Почему?

Почему? Однажды в вязанке газет, когда мы собирали макулатуру, мне попала тощая, как селёдка, книжка писателя Чехова – приложение к журналу «Нива».

Книжка была старая, но смешная, особенно я запомнил рассказ про одного мужичка, который ночью проходил через кладбище.

Я поднялся; рука болталась под потолком, поднявшись вместе со мной.

– Руку-то опустите. Уже можно и без руки. Вы читали Чехова? Что? Когда? Расскажите. Только сейчас я понял, каково это – говорить, не подумав.

– Рассказ называется «Святочный», – выдавил я, как из камня воду.

– Как вы сказали? «Святочный»? Хорошо, послушаем «Святочный».

Я размял зубами язык и начал:

– Значит, так. Однажды...

И тут отличница Скворушкина бодро и весело подхватила:

– ...В студёную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз...

– Замолчи, дура! – крикнул я через головы.

– Сам дурак, – ответила отличница Скворушкина и показала мне голубой язык.

Пришлось начинать сначала.

– Однажды один мужик вышел из дому. Вышел он, значит, из дому, и только он, это, вышел...

Я вспомнил, что было с этим мужичком дальше. И как говорится – на свою голову. Потому что было там так смешно, что я не выдержал и закачался со смеху.

Я смеялся, а класс молчал. Молчал Женька. Молчал Василий Васильевич. Молчали Пушкин, Гоголь, Чехов и Салтыков-Щедрин, которые висели по стенам. Только Шолохов тихонько шуршал – по портрету гуляла муха.

И в молчании, как петушок на спице, бился мой одинокий смех.

Спас меня от позора Женька, щёлкнув перед моим виском челюстью бельевой прищепки.

Я вытер рукавом слёзы и решил рассказывать дальше. Но сперва напомнить начало.

– Один человек вышел из дому...

Рот зигзагом заходил от уха до уха, а руки, ухватясь за живот, запрыгали с животом в обнимку. Меня крутило, как мусульманского дервиша. Прищепка не помогала. От смеха я повалился на парту. Ко мне бежали на помощь. Бежал Василий Васильевич. Бежали двоечник Капитонов и отличница Скворушкина.

Бежал Пушкин. Пушкина догонял Гоголь. Шолохов, разделавшись с мухой, на полкорпуса обходил Островского. А впереди всех бежал задумчивый человек в пенсне – Антон Павлович Чехов.

14

В коридоре прохотал звонок.

Дикая орда школьников с воплем рванулась к выходу, но директор Василий Васильевич запечатал дверь своим телом.

– Стойте, стоять! Маленькое сообщение. Завтра вместо уроков – экскурсия на чемоданную фабрику. Явка всем обязательна.

Женька пристально посмотрел на меня:

– Идём, надо поговорить.

Женька двигался как таран, могучим ребром штанов вспарывая мешок коридора. Я пыхтел и бежал за ним.

Мы выскочили на лестничную площадку, легко взлетели наверх и только на самом верху, у вечно запертой двери, которая вела на чердак, остановились, переводя дыхание.

Дальше бежать было некуда. Здесь, на последней площадке, в стороне от глаз и ушей, был наш укромный угол, место, где можно было спокойно поговорить.

Мы примостились на корточках между обломком парты и тихой чердачной дверью.

– Не нравится мне всё это, – сказал Женька угрюмо. – Ты заметил, какой сегодня директор? Всех называет на «вы». И голос какой-то ватный.

Я кивнул:

– С ума сойти – экскурсия на чемоданную фабрику! Чемоданов мне только и не хватало.

– В общем, так, – решительно сказал Женька. – Лодыгина твоего к чёрту! В Египет бежим сегодня – у тебя мелочь на трамвай есть? – И добавил с победой в голосе: – Не дождутся они от нас своей фабрики!

– Кто «они»? – спросил я.

– Они, – повторил Женька и странно как-то подхрюкнул.

– Ты чего хрюкаешь? – спросил я.

– Это ты хрюкаешь, я не хрюкал.

– И я не хрюкал.

Он недоверчиво посмотрел на меня, потом принялся:

– Табаком пахнет.

Я тоже поводил носом:

– «Беломорканал».

След запаха шёл от двери, которая вела на чердак.

– Тихо! – Я приложил к губам палец, и в этот момент снова раздался хрюк.

Мы с Женькой одновременно посмотрели один на другого, потом вместе посмотрели на дверь.

Внизу, где дверь была погнута, в широкой щели между полом и железной обивкой, чей-то рыжий пыльный ботинок затапывал дымок папиросы.

Мне хватило быстрого взгляда, чтобы понять чей. И Женьке хватило этого моего взгляда, чтобы тоже обо всём догадаться.

Но наверное, и за дверью поняли, что мы поняли: ботинок в момент исчез, а на его месте уже шевелилась рука – она ловко подцепила окурочек и исчезла вслед за ботинком.

Я попятился и почувствовал, что спиной упёрся во что-то тёплое и железное. Со страху у меня чуть сердце не отвалилось.

– Так-так, – послышался сзади знакомый голос. – Йоних и Филиппов, понятно.

Над нами навис, как Тауэр, директор Василий Васильевич. Это было тоже не очень приятно, но всё же лучше, чем смерть от ржавого тесака.

Голова моя по уши ушла в плечи, Женька скрючился ниже скрюченного домишки.

Лицо Василия Васильевича было большим и строгим, на коротком лацкане пиджака свечечкой горела медаль «30 лет на страже счастливого детства», пальцы бегали по блестящим пуговицам, будто играли на аккордеоне.

– Так-так, – повторил он печальным голосом. – Вот ты, Филиппов, скажи мне, ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Космонавтом, – ответил я не задумываясь, как солдат.

– Так-так, – в третий раз повторил директор. – Знаете, что такое ЭПРОН?

– Нет, – сказали мы с Женькой хором.

– ЭПРОН – это экспедиция подводных работ особого назначения. Была в своё время такая полувоенная организация. Так вот, в ваши годы мы, тогдашние пацаны, мечтали стать водолазами. Не все, конечно. Некоторые хотели стать лётчиками, как Водопьянов. Некоторые – полярниками, как Папанин. А я хотел водолазом. Но в водолазы меня не взяли. Знаете почему?

Мы догадывались, но говорить не стали. И правильно: оказалось, мы ошибались.

– Из-за проклятого табака. Курил я. Мне инструктор так и сказал: знай, Василий, водолазу курить – всё равно что на брудершафт пить с покойником.

Я спросил:

– Василий Васильевич, а брудершафт – это что?

Директор посмотрел мне в лицо, словно умел по прыщам узнавать будущее, и сказал:

– Вырастешь – тогда и узнаешь.

Потом прокашлялся и говорит:

– Плохое вы место выбрали для курения, ребята. А если пожар? Вот и парта здесь есть деревянная, и бумажки тоже в углу.

Тут до нас наконец дошло.

– Василий Васильевич, честное слово... – Женька выбил кулаком из груди пыль. – Мы ж... Сашка, а ну дыхни!

Я выпустил из себя весь воздух, который был, а Женька выпустил свой.

Василий Васильевич недоверчиво покачал головой:

– А табаком тогда от кого пахнет?

Мы показали на железную дверь чердака.

Директор потолкал дверь, легонечко по ней постучал, потом приложил ухо.

– Понятно, – сказал он спустя секунду.

Что «понятно», мы так и не поняли.

Я стоял, опёршись ладонями о перила, ждал, когда же он нас отпустит. Перила были скользкие и холодные, ладони были потные и горячие.

Ждал – ну и дождался. Ладонь моя поскользила вниз, вторая, не удержавшись, – тоже, и я ухнул вперёд затылком, опираясь на деревянный рельс. Хорошо, ноги успели сделать в воздухе поворот, и я, с трудом вскочив на перила, оседлал их, словно дикого коня прерий.

Штаны плавилась и горели; ветер плевал в лицо; на поворотах меня заносило вбок и стремительная сила инерции норовила швырнуть в окно. Уж не знаю, как я удерживался в седле, наверное, есть на свете какой-нибудь пионерский бог, с которым не очень-то любят связываться законы физики.

Четвёртый этаж, третий, второй – подо мной уже была пустота. Я летел, подхваченный смертью, в холодные лапы вечности.

Удар – в глазах потемнело, лишь одна печальная звёздочка сияла мне из пустой глубины.

Я смеялся, я был ей рад, я читал её простые слова. И вдруг понял: что-то в этих словах не то, над воротами в рай таких слов обычно не пишут.

«30 лет на страже счастливого детства». Звёздочка была круглая, как медаль. И пустота, в которой она висела, была прикрыта чёрной пиджачной диагональю, застёгнутой на блестящие пуговицы.

– А вас, Филиппов, – сказал директор весёлым апостольским тенорком, – завтра, когда пойдёте на чемоданную фабрику, я назначаю старшим.

15

Женька как в воду канул. Битый час я прождал его на ступеньках школы, но он почему-то не выходил. Правда, Капитонов сказал, что видел его с директором, но это он, по-моему, врал – с директором был я, а не Женька, это я помню точно.

А Женька стоял тем временем в коридоре и разбавлял серым своим костюмчиком тоску зелёную стен. Напротив, держась за пуговицу, стоял директор Василий Васильевич. Капитонов был по-своему прав.

Коридор был пуст и уныл, как всегда, когда уходит вторая смена. Где-то в классах тоненько пела нянечка и подыгрывала себе на швабре.

Василий Васильевич молча поглядывал на часы – он поглядывал на них уже минут двадцать, а Женька все эти двадцать минут стоял, пригвождённый к стенке печальным взглядом директора.

– Ага. – Василий Васильевич щёлкнул пальцем по циферблату. – Как родители? Живы-здоровы? А вообще как? Ладно, это потом. Идёмте.

Они пошли под тихую мелодию швабры: первым – Василий Васильевич, за ним – Женька, думая тревожную думу.

Они миновали учительскую и не зашли – странно.

Прошли мимо двери кабинета директора – Василий Васильевич на дверь даже не посмотрел.

Подшли к тумбе в конце коридора – с тумбы, с кумачовой подстилки, добрыми гипсовыми глазами смотрел на них дедушка Ленин.

Директор обошёл тумбу и пальцем поманил Женьку.

Сначала Женька ничего не заметил, потом разглядел на бледно-зелёной стене незаметный прямоугольник двери.

– Слышал, вы играете на баяне? Дело нужное, развивает на руках пальцы.

Женька спорить не стал. На баяне так на баяне. Куда же всё-таки он меня ведёт?

Руки Василия Васильевича покоряли недра карманов – это он искал ключ.

– Да... – Лицо его сморщилось. – Музыка... – Ключ не подавал голос. – Музыка, чтоб его. Был же, точно помню, что был. Брякал ещё. – По морщинам, как по ступенькам лесенки, побежали паучки пота. Он давил их на губе языком, потому что были заняты руки. – Вам мой ключик не попадался? Был же, брякал же, я же помню...

Нет, Женьке ключик не попадался.

Одно плечо директора опустилось чуть не до пола, другое поднялось, как качели, сам он перекосясь, но лицо почему-то сделалось радостным и спокойным.

– Дырка! Самая натуральная дырка! Ну-ка, ну-ка? Дырка и есть. – Он вытащил из карманов руки и хлопнул ладонями по коленям. – И что мне теперь, молодой человек, прикажете с вами делать? Ключ-то – того, потерялся ключик.

Василий Васильевич, чтобы Женька не сомневался, вывернул наружу карман и потряс перед учеником прорехой.

– А моя-то – я ж ей целый год говорил, моей-то. Зашила б, говорю. Потеряется, говорю, ключ-то. Женщины...

Внезапно он замолчал; рука его потянулась к незаметному дверному квадрату.

Там из замочной скважинки торчал злополучный ключ.

– Нашёлся. – Василий Васильевич нежно подёргал пропажу за блестящее ушко. – Живой. Директор отворил дверь. За дверью было темно.

– Прошу, – обернулся он, приглашая. – Осторожнее, здесь порог. – Он кивнул подбородком вниз.

Послышался деревянный стук; это его голова ударилась от кивка о притолоку. Василий Васильевич повернулся, чтобы оценить вмятину, по плечи ушёл за дверь, забыл про порог, шагнул – и ухнул в тёмный проём.

Раздался грохот; темнота выстрелила сорок пятым калибром полуботинок жертвы собственной осторожности; уворачиваясь от ребристых подошв, Женька сделал рывок спиной и с силой врезался в тумбу. Гипсовая голова Ильича, потеряв единственную опору, прочертила в воздухе завиток и упала на Женьку сверху.

– Что же вы не идёте – идите. – Из проёма протянулась синяя от чернил рука и выдернула Женьку из-под обломков. – Так, минуточку. Где-то у нас был выключатель. – По привычке Василий Васильевич начал шарить в карманах брюк.

Скоро выключатель нашёлся, но почему-то не в кармане, а на стене, и с третьей или четвёртой попытки в комнате загорелся свет.

Странная это была комната. Мрачные эвересты пыли упирались чуть ли не в потолок. Поверхность, которую покрывала пыль, чем-то напоминала лунную – кратеры, обломки породы, острые цепочки хребтов, вздымающихся над океаном пыли. И ничего живого. Лишь в углу на ленточке паутины семиногий паук-инвалид обгладывал мушиное пёрышко.

Первым делом Василий Васильевич запер дверь изнутри. Потом замешкался, как будто засомневался, туда ли они попали. Ноздри его задвигались, брови съехались, как створки разводного моста, а глаза задумчиво потемнели.

Но попали они, похоже, туда. Директор вытащил из-за пазухи хрустящий рулон бумаги и развернул. На нём была нарисована карта: кратеры, обломки породы, остроконечные цепочки хребтов. И всё это в красных крестиках и жирных восклицательных знаках.

Василий Васильевич пальцем провёл по карте, потом посмотрел вперёд, сравнивая натуру с изображением. Кивнул: всё, видно, сходилось. Потом закатал штанины и уверенно зашагал вброд.

Женька медлил. Идти не хотелось.

– Сюда. И ноги – ноги держите выше. Не то всякое может быть.

Они достигли противоположной стены. Василий Васильевич остановился и пропел сипловатым голосом: «Трим-бам-бам». Потом повернулся к Женьке:

– Я ведь тоже – хе-хе – того. В смысле музыки. Не на баяне, правда. На других инструментах. Но грамоту от ДОБРОХИМа имею. – И, снова затанув «трим-бам-бам», спросил: – Узнаёте?

Женька пожал плечами.

– Побудка. Ну а теперь?

Женька опять не узнал.

– «Похоронный марш» Мендельсона. Странно, что не узнали.

Он замолчал и вновь посмотрел на карту.

– Здесь, – сказал он решительно. И упёрся в стену рукой.

Под рукой оказалась дверь. Она скрипнула и открылась. Василий Васильевич улыбнулся – скрип был очень знакомый.

– Мендельсон, – подмигнул он Женьке и кивком указал вперёд.

Из-за двери пахло сыростью. Показалась полукруглая стенка в пятнах люминесцентной плесени и чёрные решётки ступеней, бегущие по спирали вниз.

– Идёмте. – Василий Васильевич тронул ногой ступеньку и, придерживаясь за низенькие перила, первым шагнул в колодец.

– Здесь круто, смотрите под ноги – пятая ступенька шатается. С перилами тоже поосторожней.

Теперь он что-то насвистывал. Женька шёл, стараясь не оступиться.

– А «Танец с саблями» вы играете? Трудная музыка. У меня редко когда получалось. Но я как думаю: главное, если его исполняешь, нельзя забывать о саблях. В конце концов, об этом и танец – о саблях.

Лестница не кончалась, она штопором буравила глубину, и в глазах рябило от веера однообразных ступенек.

– Я ведь и стихи когда-то писал. Сейчас... как это... Ага, вот. «Раз Пахом понюхал дым и записался в ДОБРОХИМ». По-моему, хорошо, правда?

Что там внизу, гадал про себя Женька. Какая жаба сидит там на дне колодца? И есть ли у него дно?

– Ступенька. Осторо...

Женька успел заметить лишь всполох чёрной диагонали да бледные огоньки пуговиц.

Дружно загрохотали ступени. Руки, ноги, зубы, затылок и некоторые другие части организма директора дружно загремели им в такт. Но скоро звуки заглохли. Прозвучал прощальный аккорд, и тело Василия Васильевича благополучно достигло финиша.

Дно у колодца было.

В третий раз Василий Васильевич стал жертвой заботы о человеке, когда, поправив сбившийся галстук, бодро сказал: «Бывает» – и переступил какой-то очередной порог.

Женька, уже привычный к этой его болезни, подождал, пока Василий Васильевич не освободит проход, и, дождавшись, шагнул за ним.

Шагнул – и чуть не свалился тоже.

Это было что-то вроде школьного кладбища. Скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты, скелеты и длиннущее чучело ленточного червя, намотанное на катушку от спиннинга. Освещала весь этот ужас поражённая катарактой лампочка, ютящаяся под кладбищенским потолком.

Женька закрыл глаза. Вот и всё, подумал он, облизывая сухие губы. Потом решил, что как-то это не по-советски – встречать смерть, трусливо закрыв глаза.

И тихонечко их открыл.

Скелетов, кажется, поубавилось. А те, что остались, были какие-то дохлые, чуть живые: и косточки уложены кое-как, и вместо оскалов что-то виноватое и незлое; люди и те казались чудовищами по сравнению с ними.

Самым большим по росту был тощий сутуловатый малый с улыбкой деревенского дурачка. Он стоял в деревянной раме, и кости его были раскрашены в разный цвет.

Остальные скелеты были вообще не люди.

Птица, очень похожая на орла, хотя точно попробуй определи, когда от птицы остались одни лишь косточки да жёсткие пучки перьев.

Рыба – Женька в ней признал воблу: точно такие же жалкие обглоданные останки обычно лежали горками среди золотой чешуи в садике на Покровке, где собирались местные любители кваса.

Но и кроме скелетов, здесь было много чего интересного. Насекомые, ящерки, паучки: засушенные, наколотые на булавки, порезанные на ломтики и на дольки, – всё это смотрело со стен, выглядывало из стеклянных коробок, приглашало в свою компанию.

А правил всем этим мёртвым балом маленький сморщенный старичок с маленькими сморщенными глазами.

Василий Васильевич кивнул – то ли Женьке, то ли старичку на портрете, представляя то ли Женьку этому старичку, то ли старичка Женьке:

– Знакомьтесь.

Старичок выглядывал из своей бороды, словно чья-нибудь голова из парилки в бане на Усачёва. Он молчал, и Женька молчал.

– Дарвин, – сказал Василий Васильевич. – Это он обезьяну, – Василий Васильевич кивнул в глубину угла, где сидело что-то сгорбленное и мохнатое с облезлым бутафорским бананом, зажатым в кривой клешне, – превратил в человека. – Василий Васильевич показал на деревянную раму со скелетом деревенского дурачка. – Идёмте.

И снова они пробирались какими-то гулкими переходами, упирались в тёмные тупики, возвращались, топтались на месте, снова шуршала карта и скрипела сухая кожа на подбородке, когда Василий Васильевич, задумавшись, скрёб её своей пятернёй.

Наконец хлопнула последняя дверь. Зажмурившись от яркого света, Женька сделал шаг за директором. Когда он открыл глаза, то первое, что увидел, – стоптанные рыжие башмаки, стоящие на полу у стены.

16

По Садовой ехал трамвай. Медленно плыли по сторонам дома, медленно облетали деревья в садиках, и медленно, как большие улитки, гуляли над крышами облака и тучки.

За прозрачным стеклом кабины, убаюканный вагонным теплом, дремал вагоновожатый.

Он дремал, трамвай ему не мешал, ехал себе и ехал по наезженной колее маршрута; вагон был пустой и сонный; на остановках, когда хлюпала резина дверей, люди тихо входили и выходили: без песен, без мордобоя, что бывают в дни больших праздников и в весёлые часы пик.

У выхода, в глубине вагона, чах над медью старик-кондуктор. По паспорту он был Николаем Дмитриевичем, но иначе как просто Дмитрич его в народе не называли.

Дмитрич сидел, скучая. Молчал, отрывал билетки, сонно выкрикивал остановки, опять отрывал билетки, опять сидел и молчал. И так – от кольца до кольца.

На кольце выпивал он чаю – всегда покрепче и обязательно с колотым сахарком. Для этого держал он при себе щипчики в футляре из-под вторых очков.

Где-то за Апраксиным, у Сенной, трамвай тряхнуло, впрочем привычно, и Дмитрич, тоже привычно, погладил свой кошель с медяками. В вагоне всё было тихо. Дмитрич поднял глаза, пробежал взглядом по пассажирам и вздрогнул, словно увидел лешего.

Чуть ли не перед ним, напротив, нога на ногу, как ни в чём не бывало у окна сидел **БЕЗБИЛЕТНЫЙ**.

Дмитричу стало жарко. Старею, подумал он и вытер вспотевший лоб.

Такого с ним ещё не бывало. Двадцать лет служил на маршруте, а безбилетных не допускал ни разу. И не допустит, пока стоит советская власть.

Он набрал в себя трамвайного воздуха и сказал, приподнимаясь на локте:

– Гражданин! Который расселись! А платить, я извиняюсь, кто будет?

– Пушкин, – ответил тот, даже не повернувшись.

Дмитричу стало холодно. Он уставился на безбилетного пассажира, поедая его глазами. А тот сидел себе как сидел, только рот теперь сложил трубочкой.

И человек-то был вроде обыкновенный: плащ защитного цвета, нос, глаза, две ноздри – пройдёшь мимо такого и не заметишь.

Вот только его багаж, два его чемодана, что застыли по-бульдожьи у ног хозяина, ничего хорошего для здоровья не обещали.

Дмитрич набрался духу, чтобы сказать безбилетному всё, что он о нём думает, а тот и сам уже скосил на Дмитрича бойкий глаз и начал, даже не поздоровавшись:

– А что, нравится так вот?

Дмитрич от неожиданности не понял и на всякий случай спросил:

– Так – это то есть как?

– В смысле – билетки отрывать.

Такого вьедливого вопроса Дмитричу ещё ни разу не задавали. Да и что на него ответить? Тут не отвечать, тут хватать надо и за волосы тащить в тюрьму – и вешать на всю катушку за бандитизм.

Дмитрич открыл уже рот, чтобы сообщить безбилетному про тюрьму, но как-то уж больно нехорошо лоснилась на чемоданах кожа, так что с тюрьмой он решил пока обождать.

Но про чемоданы прощельге всё же было не грех напомнить.

– С вами? – Дмитрич тыркнул пальцем в багаж.

– Значит, нравится? – Безбилетный кивнул. – Ну, раз нравится, тогда сиди отрывай. Всё лучше, чем за решёткой. Видишь, – безбилетный показал за окно, – на углу милиционер с палкой? Мы здесь, а он – там. Красота!

«Да! – Дмитрич сделался мрачный. – Малый-то, видно, из тех. – Потом вроде засомневался, прицениваясь к его одежде. – Одет прилично. И чемоданы... Ну, чемоданы, положим, ворованные. Да и плащ мог с кого-нибудь в подворотне снять. Дал ломом по голове – и носит».

– Гороховую проехали, – разговорился вдруг безбилетный. – Знакомые места.

– Была Гороховая, да сплыла, – хмуро ответил Дмитрич. – Теперь не Гороховая, теперь Дзержинская.

Выехали на площадь. Может, оттого, что стало светлее, может, просто от сердечной тоски, но Дмитрич почему-то спросил:

– Сами-то издалека будете?

– Мы-то? – Безбилетный сдвинул кепочку на затылок. – Мы-то сами северомуйские. Есть такая дырка на карте.

– Северомуйские? Это где это?

– Далеко, папаша. Трамваи туда не ездят. Ещё вопросы имеются?

Голова над плащом похрустывала на шейном шарнире; пассажир без билета ехал немного нервно – то продавливал лбом стекло, то, высмотрев кого-то на улице, уходил по макушку в плащ. А то вдруг хмыкнет, заёрзает на сиденье и загадочно подмигнёт Дмитричу.

И тут забрезжила в голове у Дмитрича мысль.

«Что-то... Где-то...» Дмитрич стал вспоминать.

Вспоминал – вспоминал, но вспоминалось уж больно туго. Вообще с памятью было туго, была в памяти у Дмитрича течь.

«Когда-то...» И Дмитрич вспомнил.

Где-то он уже этого человека видел. Где? В вагоне? В вагоне вряд ли. Этих он не запомнил. Может быть, на кольце? Туда многие заходят погреться. Бывали и посторонние. Значит, в обогревалке? Да, пожалуй, в обогревалке. Зимой.

Такая же в точь козлиная. Нет, козлиная не та. Стоп, вообще не козлиная. Птица... Из жести... Жестяная птица на шляпе. Шляпа ещё торчком, очень интересная шляпа. Помнится, он подумал тогда – вот, зима на дворе, а этот вырядился, как на курорте. Что же он, тот, тогда говорил? Нет, вроде не говорил. Подошёл к кому-то из наших и, помнится, оттянул в сторону. О чём-то они там шептались. С кем же он это?... С... С... Да не с этой ли как раз сменой? Не с Петром ли Петровичем? С ним, с ним он шептался, с Петром Петровичем.

Дмитрич поглядел в передок. На стеклянный колпак с рулём, за которым сидел вожатый.

Трамвай переехал Крюков, грохотнул на горбу моста и снова пошёл легко.

Дмитрич приоткрыл рот, хотел спросить у безбилетного про Петровича и не успел. Безбилетный открыл рот раньше.

– У нас в Северомуйске уже снежок.

Дмитричу пришлось удивиться:

– Гляди-кось.

– Белый такой, пушистый, собаки лают.

– Где? – Дмитрич прислушался.

– Пестиком! – донеслось до него, но не с севера, а от кинотеатра «Рекорд».

– А я говорю – пальцем!

И над маленькой, человек в двадцать, толпой сверкнула молния костыля.

Безбилетный вытянул из воротника шею.

– Что же это они у вас? Не успели начать, а уже расходятся. У нас в Северомуйске уж если начали, так дерутся до первого мёртвого.

Безбилетный подмигнул Дмитричу.

– Послушай, трамвайная душа. Вон на углу школа. Ты номер её не знаешь?
– Почему не знать – знаю. Номер её – шестьдесят.
– А твой трамвай сейчас налево не поворачивает?
– Этот не поворачивает. Другие – те поворачивают, а у тринадцатого маршрут прямой – за Покровку, потом к Калинин.

– Ага. Значит, прямой. Нехороший номер у твоего маршрута, товарищ кондуктор. Прямо ходят только в могилу. Это шутка, у нас в Северомуйске так шутят. Говоришь, не свернёт? А если свернёт?

– Ты лучше за билет сперва заплати, а потом шути свои шутки. Наш маршрут постоянный.

– А свернёт, что тогда будешь делать?

Дмитрич насупил брови. Чего с дураком болтать.

– А давай, папаша, поспорим. Если свернёт, я плачу тебе за проезд, а не свернёт – с тебя, папаша, бутылка квасу.

Безбилетный, не дожидаясь ответа, перешагнул через свои чемоданы, и Дмитрич, как говорится, даже глазом пошевелить не успел, как чужая резиновая ладонь уже обтягивала вялую руку Дмитрича, и не было в этом рукопожатии ни капли человеческой теплинки.

– Согласен? Я разбиваю.

Ребром свободной ладони безбилетный прицелился в узел из сцепленных рук, но, видимо, промахнулся. С каким-то недобрым кряканьем рука его опустилась на голову старика-кондуктора.

Трамвай печально вздохнул и, рассыпав, как слёзы, искры, повернул с маршрута налево.

17

Черепаша Таня жевала сморщенное кольцо лимона и думала о пустынях детства. Плакали за жёлтыми тростниками текучие воды Аму-Дарьи, песок забирался змейками в верблюжий след под барханом, бежали по пустыне перекасти-поле, а я смотрел в её маленькие глаза и видел в них лишь одно: тоскливое своё отражение.

Она доела лимон, и я ей сказал: «Пора», – потому что весь вечер мысли мои были только о Женьке Йонихе. Она это понимала, она вообще была человек понятливый, устроилась у меня в кармане, и мы молча отправились к Лермонтовскому проспекту на трамвайную остановку.

Идея была такая: вдруг Женька правда собрался бежать в Египет. Говорил же он мне об этом сегодня в классе. И про мелочь на трамвай спрашивал.

Верилось, конечно, с трудом. Один, без меня, он вряд ли туда решится. Но проверить вариант стоило.

Остановка была у сквера на углу Лермонтовского и нашей улицы, как раз неподалёку от школы. В скверике светились деревья и тихо прела листва. Деревья светились ровно, а от холмиков лежалой листвы пахло грецким орехом.

Женьки на остановке не было; нигде не было – ни в скверике, на скамейке, ни у ступенек школы, ни дальше, где проспект пересекала Садовая.

Может, Женька уже уехал и сидит теперь под египетской пирамидой, нюхает цветок лотоса или ловит на удочку крокодилов?

Минут двадцать мы решили его всё-таки подождать – вдруг появится.

Двадцать минут прошло; в окнах уже зажигали свет, но фонари ещё не горели.

Трамваев тоже почему-то было не слышно, и на остановке мы стояли одни.

Я уже собрался идти, как черепаша в кармане зашевелилась и высунула наружу голову.

– Ты чего?

Она не ответила, повела своим черепашным носом и внимательно оглядела сквер. Я тоже повторил её взгляд, но интересного ничего не заметил.

Выгоревшие на солнце скамейки, ясени, топольки, вал облетевших листьев – обычный осенний вид.

Человек Лодыгин дышал через свёрнутый в трубочку тополиный лист. Телескоп был замаскирован под простое берёзовое полено, а чтобы не отсвечивал окуляр, сверху на кучу листьев были набросаны доньшки от битых бутылок.

Единственное, чем он не мог управлять, – это ветром. Хорошо, что прогноз был тихий, ветер без порывов, умеренный, а судя по вялым тучкам, дождик капать не собирался.

Земля была сырая и тёплая, и, чтобы не разморило в тепле, он выбрал себе место пожётче, с колючками пожухлой травы и с точками муравьиных норок.

Объект топтался на остановке; сглатывая тополиную горечь, человек Лодыгин осторожно прибавил резкости и на слух определил время.

Пока всё шло как по писаному. Объект крутил головой и продолжал топтаться на остановке.

Человек Лодыгин подумал, а не выкурить ли ему папиросу – если тихо курить в рукав, то дым уйдёт под одежду и разжижится в лабиринтах складок.

Он осторожно переместил дыхательное устройство вбок и на его место пристроил белую палочку папиросы. Прикурил от фронтальной зажигалки, улыбнулся – сделалось хорошо.

И тут объект повёл себя не по правилам. Обернулся в сторону сквера и подозрительно насторожил взгляд.

Человек Лодыгин насторожился. Такой оборот дела его не устраивал.

«Так, – подумал он, разгоняя маховик мысли. – Для начала надо объект отвлечь». И выдохнул через тополиную трубочку маленькую серебряную горошину.

Та сделала в воздухе полукруг, и точно над остановкой раскрылся белый куполок парашюта, а под ним на коротких стропах закачался маленький игрушечный человек в серебряном шлеме лётчика.

На лицо он был вылитый космонавт Гагарин, хотя об этом первопроходце космоса мир узнает только через полгода. А сейчас это была лёгкая качающаяся фигурка, спускающаяся с небес на землю.

Я смотрел, как она кружится над проспектом, забыв обо всём на свете. Лётчик мне улыбался, он махал мне ладошкой из целлулоида и шевелил целлулоидными губами.

И когда до моей руки ему оставалось совсем немного, в воздухе что-то произошло. На лицо лётчика набежала тень, он скорчился, ноги подтянул к животу, в нём хрустнула невидимая пружина. И вдруг вместо маленького парашютиста в воздухе запели осколки, замелькали винтики и пружины, и ударило горелой пластмассой.

Парашют вспыхнул и превратился в дым. Руку обдало жаром, и что-то острое и горячее упало в мою ладонь. Это была погнутая нашлёпка со шлема: ровные буквы «СССР» и герб с шевелящимися колосьями.

Тем временем человек Лодыгин перебежками, в два приёма, одолел расстояние между кучами и зарылся в тёплую глубину.

«Нет, – печально подумал он, – с этим надо кончать. Не могу, не хочу, не бу...»

Я вздохнул: жалко было игрушечного парашютиста.

Черепаша Таня всё тянула голову к скверу, к прелой куче с блёстками бутылочного стекла.

– Видишь? Ничего нет, – успокоил я черепаху Таню, протыкая вязовым колышком пахучую горечь листьев.

И тут мы оба – я и она – услышали долгожданный звон.

Странный он был, печальный, с каким-то замогильным подвывом – уж на что черепаха Таня была хладнокровное существо, а и она не выдержала, спрятала голову под низкий козырёк панциря.

Трамвай завернул с Садовой и, моргая подслеповатыми фарами, нехотя поплёлся вперёд.

Вёл он себя непонятно, трамвай так себя не ведут: то делал громкий рывок, то намертво примерзал к рельсам, а то начинал раскачиваться – опасно, из стороны в сторону, дрожа всё мельче и мельче и судорожно дребезжа стёклами.

Я посмотрел на номер. Номер был почему-то тринадцатый. Удивиться я как следует не успел, потому что водил глазами – высматривал по сторонам Женьку.

Я ещё продолжал надеяться, что Женька всё-таки подойдёт.

Вагон с несчастливым номером остановился напротив нас. Всхлипнула гармошка дверей, прорезиненные мехи сложились, и улица откликнулась эхом.

Из трамвая никто не вышел, а входить в него было некому. Я вздохнул, надо было возвращаться домой. Сейчас вагончик уедет, помашу ему на дорожку ручкой и тоже тронусь – поздно уже.

Но трамвай будто в землю врыли. Или кончился в проводах ток. И людей в трамвае было не видно, лишь неясно маячила впереди кукольная фигурка вагоновожатого. Двери были раскрыты настежь, и я решил заглянуть. Подошёл, залез на ступеньку, сунул краешек глаза внутрь. И почувствовал толчок в спину. Двери за мной закрылись.

– Всё, пионер, приехали. Конечная остановка, – сказал мне знакомый голос.

И день превратился в ночь.

18

В ночи горели два спичечных неподвижных глаза. Сколько было времени, я не знал. Пахло камнем, сырой землёй и почему-то нашей школьной столовой.

Два глаза пододвинулись ближе. Я протянул к ним руку и почувствовал шершавую кожу. Я узнал черепаху Таню.

– Где мы? – спросил я её и испугался своего голоса. Было в нём что-то чужое, но Таня его узнала и лизнула меня ниточкой языка.

Я взял её на ладонь и погладил островок панциря. Вдвоём было не так страшно – даже в этой неживой темноте.

Я прислушался – где-то пела вода. Значит, жизнь в этом мире есть.

– Будем искать выход. Идём, – сказал я весёлым голосом, чтобы она не думала, что я трушу.

И мы пошли: она – у меня в руке, я – растопыренной пятернёй тыча наугад в темноту.

Скоро мы увидели свет: маленький, чуть заметный, будто его прятали в кулаке.

Запахло водой и ветром.

Мне сразу сделалось хорошо, и я зашагал быстрее.

Когда мы дошли до света, радости моей поубавилось. Перед нами была грубая гранитная стенка и бойница величиной с носовой платок. В бойницу летели брызги и таяли на железных прутьях, которые её сторожили.

За стеной плескалась вода. Фонтанка, я узнал её сразу – по голосу ленивой воды.

А свет, к которому мы пришли, был жёлтой тенью зажжённых на берегу фонарей.

Я даже определил место, где мы сейчас находились: примерно между Климовым переулком и въездом на Египетский мост.

Моста отсюда было не разглядеть – слишком узкой была дырка в граните и мешали отсветы на воде. Египет тоже скрывал туман и загораживала дымка береговых тополей.

Что делать, размышлял я. Стоять здесь, смотреть на Фонтанку и ждать случайного катера? А дальше? Ну будет этот случайный катер, ну увидят с него за решёткой чью-то бледную тень лица, ну, допустим, даже и выслушают. Но какой идиот поверит во всю эту историю с чемоданами? Я бы на их месте ни за что не поверил.

Только теперь моё место здесь, в этой каменной мышеловке, и такое это место чужое, что покуда не вернулся мой давешний трамвайный знакомый, надо отсюда как-нибудь выбираться. И чем скорее, тем лучше.

И мы отправились обратной дорогой на поиски своего спасения.

Мы шли, спотыкались о какие-то корни и скользкие железные трубы, перешагивали в темноте ямы, в них светилась и шевелилась тьма, закрывали руками голову от хохочущих летучих существ, бежали, падали, поднимались, насмерть разбивались о стены, плакали в загаженных тупиках, и когда сил уже не осталось, а осталось только лечь умереть, я увидел высоко над собой маленькую сиротливую звёздочку, висящую на безлюдном небе.

Мы стояли на дне колодца, из которого вычерпали всю воду; его стены были из бетонных колец, и наверх, вделанные в бетон, вели узкие металлические скобы.

Пересадив черепаху Таню с руки себе на плечо, я проворно, по-обезьяньи, стал карабкаться к сиротке-звезде.

Она была уже совсем близко, когда голова моя упёрлась в железо, и я понял, что до неба нам не добраться.

Звезда была за решёткой. То есть, наоборот, за решёткой была не она, за решёткой были мы с Таней.

Я приник глазами к железу и тоскливо посмотрел на звезду. Это была не звезда, это тускло светилось окошко – одинокое среди тёмной вереницы других.

Место было очень знакомое. Настолько знакомое, что сердце моё сжалось, как загнанный в западню зверёк.

Это был школьный двор, наш – я знал в нём каждую каплю в осенних лужах и каждого беспризорного воробья.

Решётка, через которую мы смотрели, была зарешёченным входом в бомбоубежище. А ключ был далеко-далеко – у Василия Васильевича на шее. Это его окошко бросало нам крохи света.

Опять свобода махнула белым платочком и скрылась в крокодилем нутре.

Я медленно слез обратно и сел, уставясь на мутное пятно на стене. Мне уже ничего не хотелось, я стал той самой лягушкой, которая, угодив в молоко, покорила своей судьбе.

Я сидел и смотрел на пятно, и чем дольше я на него смотрел, тем больше оно меня раздражало. Сначала я не понимал почему, потом, когда пригляделся, понял.

Пятно было не игрой света и не облепленной мухами паутиной. На стене висела мишень – квадратик серой бумаги, какие вешают для стрельбы в тире. Только посередине, где положено быть десятке, был нарисован маленький человек в розовом пионерском галстуке и в серой школьной одежде. В том месте, где под форменной курткой было спрятано его сердце, на мишени чернела дырочка с рваными обугленными краями. Нетрудно было понять, что дырочку оставила пуля.

А сверху на бумажном листке шли крупные и прямые буквы: «СМЕРТЬ ШПИОНУ».

Если шпион – это я, то смерть, значит, тоже мне. Весело, ничего не скажешь.

И мне стало очень грустно. Так грустно, что я взял черепаху Таню и прижался к ней холодной щекой.

Под твёрдой корочкой панциря я услышал Танино сердце. Оно тикало, как медленные часы – дома, у нас на буфете, из-за них я вечно опаздывал на первый урок.

Мне стало до боли жалко это маленькое живое сердце. Я сорвал со стены мишень и растоптал её каблуком.

– Нет, – сказал я угрюмой смерти.

– Да, – услышал я за спиной, а когда повернул лицо, то увидел чёрную дырку дула, нацеленного мне прямо в грудь.

19

– Хватит, – сказал человек Лодыгин. – Не могу больше быть мерзавцем. Не хочу, не могу, не буду. – Он убрал в футляр телескоп, накормил голодный аквариум и погасил плевком папиросу. – И курить брошу.

Он решительно направился к двери, потом вернулся, из-под кровати выволок чемодан и смахнул с него дохлых мух.

С чемоданом в руке он вышел из квартиры на лестницу. Две тени, большая и маленькая, загородили ему дорогу. Большая тень прокашлялась и строго сказала:

– Ни с места. Вы арестованы, гражданин Лодыгин.

Гражданин Лодыгин покорно замер на месте. Потом сощурился и удивлённо спросил:

– Вы? Вы же тоже...

– Я не тоже, я из милиции. Капитан Жуков.

Переложив пистолет под мышку, капитан Жуков раскрыл служебный портфель.

Сперва он вытащил из него рыжие стоптанные ботинки, потом брови и бороду на прилипках и, наконец, бордовую книжицу, где всё было про него написано.

Вместо того чтобы потемнеть от преступной злобы, человек Лодыгин почему-то весело улыбнулся:

– Вы-то мне и нужны. Я как раз собрался идти в милицию. Сейчас я вам всё объясню. Дело в том... В общем, я – не я, то есть я действительно Лодыгин Николай Николаевич, но...

– Хватит заговаривать зубы. Где мальчик, Филиппов Саша, десять лет, ученик третьего класса «Б» шестидесятой школы Октябрьского района города Ленинграда, прописан по этой улице?

Лодыгин заволновался и потряс рукой с чемоданом:

– Я знаю, только скорей. Идёмте.

И три тени, маленькая, большая и средняя с чемоданом в руке, бросились по ступенькам вниз.

20

Голос из темноты подземелья перечеркнул моё «нет» крестом.

– Смерть шпиону. – Дуло сместилось влево, и теперь его страшный глаз лежал на линии моего сердца. Я видел, как белый палец давит на спусковой крючок.

Грохнул выстрел, из дула прыгнула смерть, но добраться до меня не успела – дорогу коварной пуле перебежала рыжая тень.

Из камня брызнули искры – это вышибло из руки пистолет.

Глаза мои превратились в блюдца – я узнал своего спасителя. Ботинок, рыжий, тот самый, что крутил точильное колесо.

Дальше пошла полная чехарда. С неба упали:

1) Женька Йоних;

2) тот самый старик-точильщик; хотя он был сейчас без бороды и усов и одет был в пиджак и брюки, я его всё равно узнал;

3) Василий Васильевич с болтающимся на шее ключом;

и самое удивительное:

4) таинственный человек Лодыгин, из-за которого все мои несчастья и приключились.

– Где он? – спросил бывший хозяин точила.

– Вот он, даже живой, – ответил ему Василий Васильевич, показывая на меня пальцем.

– Да не Филиппов, Филиппова я и сам вижу. Этот, который стрелял. Двойник.

Все посмотрели в угол, откуда в меня стреляли. Василий Васильевич осветил фонариком. Кроме кучи какой-то ветоши и попирающего её рыжего башмака, в углу ничего не было.

Точильщик (бывший), насупившись, поспешил туда. По пути он подобрал пистолет – орудие несостоявшегося убийства, – поднял не просто, а обернув в носовой платок, чтобы не стереть отпечатки пальцев.

Пистолет он убрал в портфель, следом за пистолетом в портфель отправился и ботинок.

– Весёленькая картинка. – Двумя пальцами, как мёртвую гадину, он поднял над землёй тряпьё.

Я вздрогнул и посмотрел на Лодыгина. Нет, он стоял живой, а то, что держал на весу точильщик, было сморщенной надувной куклой, из которой улетучился воздух. Но фигура, лицо, одежда, в которую был одет манекен, – всё было как у Лодыгина. Даже глухарь на шляпе.

Бывший точильщик внимательно осмотрел чучело.

– Прокол, – сказал он, показывая дырочку на запястье. – Это я его случайно подмёткой. Гвоздик там у меня, всё забывал подбить.

Он убрал манекен в портфель. Потом подошёл ко мне и протянул руку. Ту, которая была без портфеля.

– Капитан Жуков.

На капитана он был не похож: ни трубки, ни через глаз повязки – ничего такого у этого капитана не было. Даже шрамов от акульих зубов. Но всё равно я сунул ему ладонь и скромно ответил:

– Саша.

Он пожал мою руку и пристально посмотрел мне в глаза:

– В общем, так, Александр. За проявленные мужество и отвагу объявляю тебе благодарность от всего нашего милицейского коллектива и от себя лично. А вы, товарищ директор, отразите это в приказе по школе и объявите на пионерской линейке.

При этих словах Василий Васильевич щёлкнул скороходовскими каблуками и вытянулся по стойке смирно:

– Служу Сове...

– Отставить, – сказал капитан Жуков, – сейчас можно без этого.

Он снова посмотрел на меня:

– А ведь я поначалу подумал, что ты тоже... – Он легонько тряхнул портфелем. – Ты уж не обижайся за то, что я тогда во дворе. Работа такая. Договорились? – Капитан улыбнулся и показал на Женьку. – Друг у тебя хороший. Смелый парень, толковый. – Он посмотрел на часы. – Идёмте, товарищи. Время позднее, а нам ещё надо о многом поговорить. Правильно, товарищ Лодыгин?

21

Чемодан лежал на столе. За столом сидел капитан Жуков и стучал по клавишам «Ундервуда». Остальные расселись кто где – директорский кабинет был большой, и стульев хватило всем.

Говорил в основном Лодыгин – под пулемётный стук «Ундервуда», на котором капитан Жуков фиксировал его невероятный рассказ.

Когда дело дошло до Генератора Жизни, сокращённо ГЖ, того самого чёрного чемодана, с которым пришёл Лодыгин, директор Василий Васильевич изумлённо покачал головой:

– С виду чемодан чемоданом. Даже не верится.

– Вера тут ни при чём, – строго оборвал его капитан Жуков. – Советский человек верит исключительно в науку и технику. Верно, товарищ Лодыгин?

– Полностью с вами согласен, товарищ капитан.

– И потом, – продолжил капитан Жуков, – вы только что сами видели, как этот якобы чемодан оживил этажерку с книгами.

– Этажерка – это пример, – поддержал капитана Лодыгин. – Оживить можно что угодно, любой предмет. Дело только во времени и опыте оператора. Но, повторяю, перед этим необходимо снять психокарту с того организма, дублем которого этот предмет вы собираетесь сделать. И всё это может он. – Лодыгин бросил ласковый взгляд на своё детище, потом подумал о другом своём детище, нахмурился и опустил голову.

– У вас нет папиросы? – спросил он чуть погодя; лицо его оставалось мрачным.

– Мы, по-моему, в школе, а не в ресторане «Казбек». Подумайте о подрастающем поколении. – Капитан Жуков кивнул на меня и Женьку.

– Да-да, я понимаю. Это я так спросил, от волнения. Я ведь не курю – бросил.

И без всякого перехода он приступил ко второй, трагической части своей необыкновенной истории.

Даже старенький «Ундервуд» стал стучать печально и с переборами, а на мужественном лице капитана загулял над скулой желвак – так жутко было всё это слышать.

Всё началось с любви к детям. Своих детей у Лодыгина никогда не было, и каждый час его холостяцкой жизни был безвиден и пуст, как мир до первого дня творения. Чужие дети пугались непонятого дяденьки, когда на улице он протягивал им конфеты.

Я кивнул, уж мне ли этого было не знать.

– Потом я увлёкся своим генератором, и на время тоску по детям заглушила работа...

Но работе пришёл конец – Генератор Жизни был создан, и тоска возвратилась снова.

Тогда он принял решение: вырастить себе в колбе сына.

Это был мучительный день – мучительный и счастливый одновременно. Он видел его рождение, он держал его на руках и кормил из резиновой груши.

– Ребёнок рос быстро, Генератор Жизни был его доброй нянькой. За каких-то три года он достиг моего возраста и моего ума. Я читал ему классиков гуманистической мысли и великих мастеров слова. Я играл ему на рояле Хренникова и на скрипке Арама Хачатуряна. Я не знал, чем всё это кончится. Когда он маленьким крал у меня папиросы, я думал – это лишь болезнь роста. Когда он в суп мне подбрасывал дохлых мух, я считал, что это он не со зла. Только в два года, когда он оживил резиновую игрушку и она воровала для него в гастрономе пиво и шоколад, я впервые подумал, что с сыном что-то неладно, но не придал этому большого значения. Наказал, пригрозил ремнём, не играл ему в тот вечер Хачатуряна. Я уже говорил, во всём он был моя копия. Порой я сам начинал сомневаться, он это, а может быть, я. Жизнь моя стала полной неразберихой. Я стал замечать за собой странные вещи. Например, подозрительность – я купил себе телескоп. Я сделался жадным, полюбил деньги и разлюбил музыку. Больше всего жалею, что не слушаю теперь музыку...

– Молодой человек, – Василий Васильевич показал на Женьку, – может сыграть вам что-нибудь на баяне.

– Это потом, – сказал капитан Жуков. – Продолжайте.

– Я выполнял какие-то его непонятные просьбы, устраивал какие-то встречи, часто с переодеванием, а недавно почти случайно узнал, что мой сын использует Генератор Жизни в корыстных целях – делает его копии и продаёт их разным подозрительным личностям с юга. И что его разыскивает милиция...

– Разыскивала, – вдруг поправил его капитан. – Практически он в наших руках.

– В ваших руках? Вы уверены, что он – это он, а не его резиновое подобие?

– Уверен, – ответил капитан Жуков. – Завтра в двенадцать ноль-ноль он будет на чемоданной фабрике. Между прочим, там-то и изготовлялись копии вашего генератора, и туда же переправлялись ломаные – чинить. Только, ради всего святого, это агентурные сведения, поэтому просьба не разглашать.

– Я буду молчать как рыба.

– Всё, товарищи. – Капитан Жуков поднялся. – Главное мы теперь знаем. Из школы будем расходиться по одному: сначала школьники, за ними – взрослые.

Я поднял руку:

– Вопрос можно? Экскурсия на чемоданную фабрику с этим... ну, тем, что завтра... как-нибудь связана?

– Постой-ка. – Капитан Жуков нахмурил брови. – Я разве не говорил? Это одна из основных частей всей завтрашней операции. Экскурсия отвлечёт их внимание, а дальше... – Он замер на половине фразы и пристально посмотрел на меня. – Это уже моя забота, что будет дальше. И вообще, Филиппов, что-то ты под вечер разговорился.

22

Первое, что я увидел на чемоданной фабрике, – это фуражку дяди Пети Кузьмина, нашего соседа по квартире. Он стоял в проходной на вахте, загоразивая шинелью вход. Лицо его было строгое, а шинель застёгнута на все пуговицы. Меня он, кажется, не узнал.

– Экскурсия, говорите? Сейчас разберёмся, какая у вас экскурсия.

Он сунул руку в окошко своей каморки и вынул телефонную трубку.

– Софья Павловна, это вахта. Кузьмин говорит. Соедините меня с режимом. Егор Петрович? Здравия желаем, Егор Петрович, это Кузьмин говорит, с вахты. Экскурсия тут у меня, школьники. Бумага есть. Печать тоже. Почему не пускаю? Дак бумажку ж можно, того, подделать. Школьники же, хулиганьё – запросто печать из резинки бахнут. Одни? Почему одни. Длинный с ними такой, в очках, говорит, что ихний директор. Значит, пускать? Ну так я пускаю.

– Так. – Дядя Петя обвёл нас суровым взглядом. – Почему не по росту? Всем выстроиться по росту. И руки из карманов убрать. – Он накинуд на нос очки и стал изучать список. – По списку двадцать пять человек, а в наличии... – Он пальцем пересчитал наши головы. Когда он дошёл до меня, что-то в его глазах такое блеснуло, а может, это мне показалось.

– Кто старший? – сказал он, пряча в карман бумажку. – Пусть пройдёт в эту комнату на инструктаж. У нас особое производство, это вам не какой-нибудь щетинно-щёточный комбинат имени товарища Стоярова. Грохнет на голову чемодан, тогда узнаете, где раки зимуют. И вас, который директор, попрошу тоже.

Мы с Василием Васильевичем миновали вертушку вахты и прошли за обитую дерматином дверь. На двери висела табличка «Инструкторская». В комнате никого не было. На стенах – графики и плакаты; на одном, который висел ближе других, был нарисован лежащий на полу человек и склонившаяся над ним санитарка. Сверху было написано: «Оказание первой помощи при падении со стеллажа чемодана». Я изучил все двадцать четыре пункта инструкции, и, когда дошёл до последнего – вызывайте «скорую помощь» по телефону 03, – раздался щелчок замка и знакомый голос сказал:

– Цех номер пятнадцать. Это из проходной налево. Там вас будут ждать мои люди.

Я обернулся. Перед нами стояла бабка с ведром и веником. Она плюхнула из ведра воды, примерилась и веником хлестнула по луже.

– Они сорют, а я корячусь за шестьдесят рублей.

Из-под синего бабкиного халата вылезали стоптанные рыжие башмаки. Я всё понял, а бабка продолжала брюзжать голосом капитана Жукова:

– Ишь, застряли, как мёртвые. Ваши давно в обивочную ушедши, лекцию про чемоданы слушают. Пошли, пошли, нечего тут топтаться, мне ещё семь цехов подметать.

Мы с Василием Васильевичем пустились догонять наших, но свернули не направо, к обивочной, а налево – к цеху № 15, где нас должны были ждать.

У цеха никого не было. На запертых железных воротах под большой цифрой 15 мелом было написано: «Не входить! Опасно для жизни! Идёт загрузка сырья» – и нарисован череп с перекрещенными костями.

Василий Васильевич посмотрел на меня, я – на Василия Васильевича, и мы оба пожали плечами. В том смысле – ну, мол, прибыли, а что дальше?

А дальше послышался долгий жалобный стон, который тут же сменился коротким весёлым скрипом.

Стонала электрическая тележка, а скрипели наваленные на неё горой чемоданы.

И управлял всем этим хозяйством человек с глухарём на шляпе.

– Быстро прячьтесь по чемоданам, – сказал Лодыгин, затормозив. – Приказ товарища капитана.

Я хотел узнать, зачем прятаться, но увидел, что Василий Васильевич уже захлопнул над собой крышку, а Лодыгин защёлкивает на его чемодане замок.

Тогда я выбрал себе чемодан по росту, забрался в него, и мы отправились в трясущейся темноте туда, не знаю куда.

Лодыгин, не останавливая тележку, вышиб запертую железную дверь и отлепил от номера цеха уже не нужную теперь единицу.

В пятом цехе было темно, лишь в глубине, подкрашенные папиросными огоньками, ворочались над гигантским чаном лопасти перерабатывающей мельницы.

– Сырьё прибыло. Можно загружать, – сказал Лодыгин, спрыгивая с тележки.

По цеху пробежал хохоток, и пять лодыгинских ртов выплюнули, как один, папироски. Пять подошв затоптали их, чтобы не случился пожар, а пять пар рук в больших рукавицах принялись бросать чемоданы на ленту транспортёра-загрузчика.

Когда чемодан со мной отправился в свой последний путь, одна из рук сняла рукавицу и написала на крышке мелом: «Смерть шпиону Филиппову». Потом подождала следующего и вывела на его промятом боку: «И примкнувшему к нему директору Василию Васильевичу».

Я почувствовал, как тряска сменилась резким твёрдым ударом, и меня, как царевича в засмолённой бочке, понесло на плавной волне. Интересно, к какому берегу вынесет меня окиян-море? И чем сейчас занимается капитан Жуков?

Я просунул руку в карман, хотел погладить тёплое брюшко черепахи Тани, но Тани в кармане не оказалось. Должно быть, вылезла по дороге, подумал я и успокоился.

Сверху красная кнопка была похожа на звезду Марс, отражающуюся в ночной глубине колодца.

Балка была гладкая, как озёрный лёд, и опасная, как стрела железной дороги, и единственное, о чём Таня молила своего черепашьего бога, – не сорваться раньше времени вниз.

Она продвинулась ещё немного вперёд и решила – всё, можно прыгать.

По глазам ударила темнота. Таня сделала в воздухе разворот и летела теперь панцирем вниз, отсчитывая тягучее время.

Удара она не слышала, лишь заметила уголком глаза, как конвейерная лента остановилась и чёрные кирпичики чемоданов замерли на краю обрыва.

Свет хлынул, как струя из брандспойта, и одновременно ударил гром. Я прикрыл руками лицо и хотел рвануться вперёд, но кто-то силой удержал меня за плечо, потом рывком повалил на спину.

Не понимая, что происходит, я опять попытался встать, но бас капитана Жукова заставил меня остаться на месте.

– Тихо, пока лежи. Не ровён час, попадешь под шальную пулю.

Лежать было жёстко и неудобно: под рёбра что-то давило. Я потрогал – это был каблук от ботинка. Капитан Жуков высился надо мной каланчой, прикинув к полевому биноклю.

– Они нас немного перехитрили, но ничего. Всё равно победа за нами.

Похоже, мы поднялись с ним на вершину горы – цех был виден отсюда как на ладони, и отчётливо различалось всё, что в нём происходило.

– Савраскин, держи левый фланг! Они прорываются! – заорал вдруг капитан страшным голосом и замахал биноклем над головой.

Я посмотрел вниз и увидел, как сразу двое Лодыгиных, размахивая остатками третьего, надвигаются на какого-то невзрачного на вид паренька, замершего в боксёрской стойке.

Паренёк оказался невзрачным только на вид. Он сделал что-то такое, отчего Лодыгины, бросив третьего, спрятались за железную будку. Но паренёк на этом не успокоился. Притворившись, что тяжело ранен, он брякнулся на бетонный пол и забился в фальшивой агонии. Один из Лодыгиных выглянул из-за будки, и тут псевдотяжелораненый сунул в губы тонкую трубку и сделал мгновенный выдох.

Я присвистнул, так необычно было то, что я увидел потом. Тот Лодыгин, который неосторожно выглянул из-за будки, на глазах стал делаться дряблым, ноги его размякли, и скоро на месте, где он стоял, остался лишь небольшой бугорок – кучка прорезиненной ветоши.

Но до парада победы было ещё далеко. Я видел, как побледнел капитан, потому что внизу из какой-то дырки в стене вылезли сразу с десятков Лодыгиных и, растянувшись цепью, пошли в атаку.

– Из пескоструйных аппаратов – огонь!!! – что есть мочи скомандовал капитан, и миллионы искромётных песчинок вонзились в лодыгинские ряды.

И тут чемодан, который всё это время мирно лежал в сторонке, вдруг подпрыгнул как сумасшедший, крышка его откинулась, и из него выскочил Василий Васильевич.

С криком «Коммунисты, вперёд!» он спрыгнул с высоты вниз и смело бросился на врага.

Но впереди уже никого не было – одни шипящие воздушные змейки да баррикада из дырявой резины.

– Вниз! – сказал мне капитан Жуков, и мы сбежали по транспортёру в цех.

– Он в компрессорной. – Из дыры, той самой, откуда выскочила вражеская подмога, пошатываясь, выбрался Женька Йоних.

– Замечательно, – сказал капитан. – Из компрессорной только один выход. Теперь ему не уйти.

– Нет! – раздался вдруг взволнованный голос.

Из-за горы чемоданов, пошатываясь, как и Женька, нам навстречу вышел Лодыгин и упал перед капитаном Жуковым на колени.

– Не убивайте моего Коленьку! Он хороший, его ещё можно перевоспитать. Я знаю...

– Ох уж эти мне любящие отцы, – смущённо проворчал капитан. – Ладно. Слушай мою команду. Брать только живым.

Лодыгин-старший стоял возле покорёженной двери в компрессорную и говорил в пробитую ломом дырочку:

– Коля! Это я, твой папа. Сдавайся, Коленька, они тебе ничего плохого не сделают. Вот и товарищ капитан подтвердит.

– Подтверждаю, – подтвердил капитан Жуков.

– Ну так как, Коля? Сдаёшься?

Все прислушались, ожидая, что он ответит.

И он ответил.

Раздался протяжный свист – такой громкий, что у нас заложило уши. Потом вверху над нашими головами надулась пузырьём крыша и лопнула, осыпав всех железной трухой.

И в облаке белой пыли, как сказочный многоголовый дракон, вырос и устремился к небу странный воздушный шар.

Десять... двадцать Лодыгиных, собранные в летучую связку, сияли нам резиновыми улыбками и махали на прощанье рукой.

А под ними в оловянной гондоле плыл по небу ещё один человек Лодыгин, сын другого человека Лодыгина, оставленного им на земле.

С каждым нашим вдохом и выдохом он делался всё мельче и мельче, пока не превратился в один из миллиардов атомов воздуха, по которому он уплывал на закат.

23

За мостом, за тихой водой реки, опутанный трамвайными проводами, нас ждал Египет. Женька подошёл ровно в шесть.

– Едем? – сказал я и показал за мост.

– Чего здесь ехать – дойдём.

Женька был не один. В руке он держал футляр, в футляре лежала скрипка.

Заметив мой удивлённый взгляд, Женька слегка смутился.

– Не оставлять же её одну, – сказал он, отводя глаза в сторону.

Я кивнул, я его понял, и мы пошли: Женька, черепаха Таня и я.

– Подождите, – послышалось за нашими спинами.

Это была Женькина мама. Она куталась в шерстяную шаль и размахивала над головой авоськой.

Женька остановился, я тоже.

– Женя, – сказала Суламифь Соломоновна, тяжело дыша. – Ты забыл бутерброды.

– Ну, мама... – хмуро ответил Женька, но авоську с бутербродами взял.

Суламифь Соломоновна вытерла платочком глаза и собралась что-то добавить, но мы уже зашагали дальше.

Не прошли мы и десятка шагов, как услышали позади топот.

– Йоних, Филиппов, минуточку!

Теперь это был директор Василий Васильевич. В руках он держал книгу.

– Возьмите. – Он протянул её мне. «Чехов» – было написано на обложке.

Я сказал «спасибо» и взял. Чехов нам пригодится.

Мы уже выходили на набережную, как вдруг непонятно откуда появился Лодыгин-старший.

– Мальчики, – сказал он, переминаясь с ноги на ногу. – Коленьку моего увидите – передавайте привет от папы.

Мы кивнули. Нас ждал Египет, встречая нас октябрьским холодком.

Женька первый ступил на мост и поздоровался со сторожевым сфинксом. Тот ответил почему-то голосом капитана Жукова:

– В общем, так. Будут какие-нибудь проблемы, шепните там кому надо, что я, мол, в курсе.

На середине моста мы замерли: трудно было сделать последний шаг.

Женька обернулся и посмотрел на оставленный позади берег.

Там было всё знакомо: школа, улица, двор, лица, голоса, разговоры.

Впереди была тьма египетская.

– Идём, – сказал он упрямо.

И мы пошли.

Парашют вертикального взлёта

Рассказ

Небо вздрагивало от ветра, словно там пролетали ангелы – над крышами, над нашими головами, – и Валька Шубин сощурился, выплюнул слюнявый окурок, и он полетел, полетел, его крутило, несло и бросило на подоконник напротив. Наши головы в чердачном оконце, что глядело с крыши на двор, мгновенно вытянулись вперёд. На подоконнике, на фанерной подставке, бечёвкой притороченный к раме, лежал бумажный пакет. Мы видели, как затлела бумага, как трепещущий на ветру дымок повалил всё гуще и гуще, и вдруг показалось пламя.

– Если там динамит, громыхнёт – мало не будет, – радостно сообщил Бобин, будущий военный специалист.

– Если динамит, я пошёл, – сказал я.

– Погано, – сказал Валька и отвернулся.

В пакете не было динамита. В нём лежала обыкновенная курица, в народе таких называют «Крылья Советов», и человеку в трусах и майке, который вывалился по пояс из форточки, нам бы ещё спасибо сказать – за то, что опалили бесплатно, – так нет, он долго блестел на солнце гладко выбритой головой и размахивал костлявыми кулаками.

Мы зарылись в пыль чердака и втянули головы в плечи. Чердак пропах голубями, пыль набивалась в ноздри, и первым не стерпел Валька:

– Никто не видел, пусть попробует доказать.

Валька был человек опытный, нас с Бобиным он перерос на год и на полголовы в придачу, он даже кепку носил, как у взрослого – широкую, с большим козырьком, и для важности прикрутил спереди большую капитанскую звёздочку.

– Я его знаю, это Американец, – сказал он, наморщив лоб. – Он в Америку на мотоцикле ездил. Так себе мотоцикл, ничего особенного.

Валька сплюнул сквозь зубы в пыль, и в его плевке на лету отразилось круглое небо. Он открыл было рот, чтобы добавить что-то ещё, но не успел.

– Мальчики...

Я вжался в тень от низко нависающих балок. Валька стоял на коленях с набитым словами ртом и медленно поворачивал голову. Бобина не было видно.

– Не прячьтесь, я всё равно вас вижу.

Человек говорил не зло, но с места никто не сдвинулся.

– За голубями охотитесь?

– За крысами, – грубо ответил Валька.

– Понятно. – Человек улыбнулся. Я поднялся, и Валька тоже, ударившись головой о балку. Он сморщился и потёр кулаком макушку. Рядом зашевелился Бобин. – Мальчики, нужна помощь.

Валька пожал плечами и кивнул мне и Бобину, показывая на выход.

– Нужно испытать одну вещь. – Человек вышел из тени. Роста он был невысокого, лицо бледное, щёки в морщинах.

– Вот. – Он опустил плечо, и с плеча соскользнула лямка. Рюкзак он положил возле ног – пухлый зелёный шар, от которого пахло тайной. Потом он присел на корточки и ткнул в его брезентовый бок.

– Здесь, в рюкзаке, – он по очереди ощупал глазами каждого из нас и вздохнул; должно быть, лица наши были не особенно подходящими, но других на чердаке не нашлось, – парашют вертикального взлёта. Не я его изобрёл. Я только провожу испытание.

Валька всё-таки фыркнул.

– Парашют? – переспросил он и хитро посмотрел на меня. – Я не понял: какого взлёта?

– Парашют вертикального взлёта, – серьёзно повторил незнакомец. – Таких ещё не было, это первый. Опытный образец. Если не хотите помогать даром, я могу заплатить. – Теперь он почему-то смотрел на одного Вальку, и нас с Бобиным как будто не замечал.

– А что делать-то? – Валька нагнулся и засопел, у него распухли ботинок.

– Дело простое. – Человек развязал рюкзак и вытащил из него на свет сперва плотный рулон материи, намотанной на короткий вал, потом некое подобие сбури – с ремнями, пряжками и тесёмками, вразной торчащими во все стороны, – и напоследок небольшое седло. – Сперва я разберусь с этим своим хозяйством, а после вы можете мне затянуть на спине шнуровку и выровнять ось. И придержать парашют, когда я буду выбираться на крышу. Чтобы не зацепился за стёкла. – Он кивнул на острые стеклянные зубья, вылезавшие из переплёта окна.

– Почему?.. – Валька наморщил лоб, но задать вопрос не успел.

Человек посмотрел на него и сказал, улыбнувшись:

– Во-первых, отсюда удобней, на чердаке никто не мешает. А этот, – он обвёл глазами чердак, – я хорошо знаю. Я ведь жил в этом доме пять лет, пока ты не родился. Я бы сам справился, но раз уж подвернулись помощники, почему бы не попросить помочь? Ещё есть вопросы?

– Есть, – сказал молчавший до того Бобин. – А туда с вами можно? – Он ткнул пальцем вверх, в пыльное марево над потолочными балками.

– Нет, – ответил человек твёрдо, – со мной нельзя.

– Всё равно здорово! – Валька показал большой палец. – Как на воздушном шаре. Его что, надо надувать?

– Не надо. – Человек улыбнулся. – Автоматика.

Незнакомец опустил на корточки и принялся налаживать парашют. Продолжалось это довольно долго – минут десять, если не двадцать.

– Готово. – Он наконец поднялся и продел под себя седло. Вал со смотанным в рулон парашютом остался у него за спиной. – Теперь зашнуровывайте – крест-накрест.

Валька первый взялся за дело, мы с Бобиным не успевали ему помогать. Он больно ударил Бобина по руке, когда тот продел шнурок не туда, сам проверил узлы и одёрнул на человеке куртку.

– Хорошо, – сказал незнакомец и повернулся к Вальке: – Не знаю, что бы я без тебя делал, Валя. Наверное, разбился б о мостовую.

Валька хотел улыбнуться, начал – и расхотел. Он сказал:

– Сегодня ветер. Ничего? Не снесёт?

– Нет, ветер – это хорошо. Ветер парашюту на пользу. Сейчас начнём, осталось только выровнять ось. Там такая стрелочка на валу, как у магнита. Надо, чтобы острый её конец показывал точно вниз. Показывает? Вот и отлично.

Человек подошёл к окну и поставил ногу на подоконник. Внизу во дворе глухо, словно на дне колодца, заворчал автомобильный мотор. Солнце ещё не зашло, оно отдыхало в дымке. Ветер потихоньку стихал.

Мотор автомобиля заглох. Внизу захлопали двери и забухали, словно выстрелы, голоса.

– Интересно, с чего бы это? – Валька хотел просунуться между рамой и на полушаге замершим человеком. Тот не дал, загородив дорогу рукой. Валька хлопнул себя ладонью по голове. – Это Американец вызвал милицию. Он нас видел, вот и вызвал по телефону.

– Не понимаю. – Человек помрачнел и, покусывая губу, прислушивался к дворовому шуму.

Валька ему рассказал про курицу.

– Какие вы ещё дети... – Незнакомец посмотрел на часы, затем снова на Вальку, потом на меня с Бобиным. В глазах его промелькнул укор. Мне сразу сделалось холодно и тоскливо. Валька отвёл глаза и вдруг бросился в темноту к двери.

С лестницы поднимался шум: голоса, шаги. Голоса делались громче.

Я тупо смотрел на Вальку, который затаился у щели, и чувствовал, как от страха ноги мои начинают слабеть. Справа топтался Бобин, ему тоже было не по себе.

От страха меня вылечил Валька. Он с силой налёг на дверь и задвинул тугую щеколду.

– Вот так. – Он потянул дверь на себя. – Теперь пускай ломаются.

Странно, но человек с парашютом на это ничего не ответил. Он стоял и молча смотрел, как Валька возвращается к нам. Стоял и молча смотрел. Потом сказал. Голос его звучал устало и виновато:

– Зря, Валя. Лучше открой. Вам они ничего не сделают.

– Почему? – Валька от неожиданности опешил. Затем бешено замотал головой. – Нет уж, решили испытывать, так испытывайте. Я дверь не открою.

– Валя. – Человек с парашютом присел на край подоконника. – Есть другие двери, есть пожарная лестница. Они могут пройти по крыше. Лучше открой.

Валька смотрел на него сузившимися, злыми глазами:

– Если вы трусите – давайте я испытаю.

Человек рассмеялся:

– Я не боюсь, я успею. А вот ты... вы... Они же чёрт знает что могут о вас подумать. Всю жизнь потом не отмоешься. И ещё – сейчас ты говоришь за себя. А друзья? Ты о них подумал?

Мы с Бобиным посмотрели на Вальку. Он был весь как пружина, даже мочки ушей побелели. На нас он не смотрел.

И тут ударили в дверь. Чердак отозвался гулом, и белые завитки пыли взметнулись из темноты на свет.

– Здесь. – Голос за дверью прозвучал громко и ясно, словно не было никакой преграды и говорили рядом.

Я вздрогнул и затаил дыхание. Валька даже не обернулся. Человек посмотрел за окно и тяжело вздохнул.

– Заперся, – сказали за дверью. – За дураков нас держит.

– Надо ломать.

– Сломаем, и не такие ломали. Степанов, дай сюда лом.

Голосов было несколько – громких, взрослых, уверенных, – и вдруг совсем неожиданно в мужской хриловатый хор ворвался голос Валькиной матери:

– Открой! Открывай, сволочь! Шкуру спущу!

Валька ослеп и оглох, он всех сейчас ненавидел. Кепку он надвинул на брови, лицо спряталось в тень. Лишь в пыльном оконном свете блестел одинокий зуб, да в пару ему горела над козырьком большая капитанская звёздочка.

Мы молчали, чердак молчал. Человек с парашютом поднялся и встал вполоборота к окну. Потом повернулся ещё, но неудачно – рукоять вала ударила по стеклянным пикам. Стёкла посыпались вниз.

– Степанов, – закричали за дверью, – бери ребят и дуй через первую парадную на чердак! Двое на пожарную лестницу! Похоже, он уходит по крыше! – И уже говоря сюда: – Эй, там! За стекло ответишь отдельно.

Удары лома заглушили голоса с лестницы, но ненадолго. Дверь была обита железом, такую сломать – десять потов сойдёт. За дверью кто-то сопел и дышал тяжело, как боров.

– Дайте только добратся, я ему... всё скажу. Мамаша, извини, не могу не ругаться... чёрт!

Снова заговорил лом. Снаружи, на дальней стороне крыши, гроыхнуло кровельное железо.

– Ребята, будут спрашивать – вы здесь оказались случайно. – Человек запрыгнул на подоконник и стоял согнувшись, чтобы не повредить парашют. – Вы не бойтесь, ничего они вам не сделают. Не посмеют.

– Вылезайте, чего болтать! Решили, так вылезайте. – Валька подбежал к человеку близко и сказал, заглядывая ему в лицо: – Послушайте, ведь вы всё наврали. Не бывает таких парашютов. Не может быть. – Он перевёл дыхание. – Вы давно бы уже улетели, не стали ждать. Всё враньё, парашюты вверх не летают.

Дальний конец чердака прочертила полоса света. По крыше грохотали шаги. Дверь тряслась и стонала и наконец не выдержала. Круглые мячики света запрыгали между балок. Ворвавшись, высвечивая дорогу фонариками, сгрудились возле дверного проёма.

Должно быть, прошла минута. Грохот на крыше не умолкал, а из пыльного чердачного далёка раздавались скрипы и чертыханье.

– Вот он, – крикнули со стороны двери. Голос был тот же самый, что отдавал команды. Фонарики вдруг погасли. Люди у проёма зашевелились, и из слипшейся человеческой массы стали выделяться фигуры.

Зачарованный атакой со взломом, я стоял оцепенело, как столб. Я позабыл про всё: про Вальку, про незнакомца – спроси меня в тот момент, на какой я живу планете, я бы наверняка не вспомнил.

– Шубин, остановись! – Отчаянный хриплый крик сотряс чердачные своды. Качнулись бельевые верёвки, и в просветах зашевелилась пыль.

Человек с парашютом стоял на краю крыши, ногой упираясь в водосток. Я видел, как сминался под каблуком тонкий железный обод и слетала ржавая крошка. В доме напротив люди высовывались из окон, и какая-то незнакомая женщина прижимала к лицу платок.

Человек стоял прямо, к чердачному оконцу спиной, стоял спокойно, слегка опустив плечи, словно перед ним не лежала смертельная пропасть двора, а по воздуху протянулась невидимая глазу дорожка, и сейчас он сделает шаг и легко побежит вперёд, смеясь над нашими страхами. А рядом с ним стоял Валька, коленом упёршись в крышу и придерживаясь за край рукой. Вторая его рука держалась за ремень парашюта.

На нас с Бобиным не обращали внимания. Все смотрели туда, где стояли мужчина и мальчик, а человек с ломом, осторожно, чтобы не выдать шагов, двигался из темноты к свету.

– Брось! – сказала Валькина мать. Она вырвала из рук человека лом и швырнула себе под ноги.

– Мамаша, я ж...

– Сволочь... – Она схватилась за бельевую верёвку, и та лопнула, как перетянутая струна. – Шубин. – Она сделала шаг к окну, но дальше шагнуть не смела. – Я знала, что когда-нибудь ты придёшь. Не смей, оставь мальчика! Валенька, отойди от него, он... сумасшедший.

– Валя, твоя мать говорит правду, – заговорил человек справа, волнуясь и озираясь на остальных. – Этот человек... он сегодня сбежал из клиники. Отойди от него, он болен. Он опасен, он...

– Это правда? – Валька повернулся к оконцу. – Мама, он мой отец?

– Дура! – закричала на чердаке женщина. – Это я во всём виновата! Надо было его отравить, ночью зарезать бритвой... Дура!..

– Значит, правда. – Валька вдруг рассмеялся весело, оторвал руку от крыши и помахал в сторону чердака. Потом повернул голову и заглянул парашютисту в лицо. – Я ведь знал, я сразу почувствовал. – Он потянулся ещё, не удержался, и колено поскользилось по скату.

– Куда ты... – Человек с парашютом перехватил его за плечо. – Рано, пока не время.

Отдававший команды что-то шепнул стоящему рядом с ним. Тот шепнул дальше и мигнул в темноту фонариком. Две фигуры бесшумно переместились к окну и встали по обе стороны. Командир просунул руку в карман, а когда вытащил, в руке у него тускло блеснул металл.

– По команде, – послышалась негромкая фраза.

Солнце зашло за крыши, и на чердаке стало темно. Лишь светлел оконный квадрат, и отчётливо было видно, как два человека – маленький и большой – стояли под вечеряющим небом. Все молчали. Время остановилось. Внизу, в дворовом котле, ветер перемешивал пыль.

– Время!

От неожиданности я вздрогнул. Голос Валькиного отца прозвучал громко, словно ударил колокол.

Время! – отозвалось на чердаке эхо.

Две фигуры, скрежеща подошвами по осколкам, метнулись сперва к окну, потом спрыгнули на железный скат и замерли, растопырив руки.

Удерживать было некого. В дымчатом свете заката над гармошками городских крыш, над трубами, над редкими голубятнями, над запрокинутыми головами людей, над растрёпанными от ветра кронами, над всем этим гигантским кроссвордом, который называется городом, поднималось лёгкое облачко – золотой шелковистый купол и два человека под ним. Ветер раздувал его шёлк. Парашют становился меньше, превращаясь в белую точку. Тёмные фигурки мельчали и скоро совсем исчезли в прозрачных вечерних сумерках.

Те, кто оставался на чердаке, скучились в оконном проёме. Все смотрели на небо, пока не заслезилась глаза. Человек в доме напротив, высунувшись далеко из окна, кричал, надрывая голос:

– Это он! Тот самый! Который сжёг мою курицу!

И размахивал белыми кулаками.

Порох непромокаемый

Повесть

Что тебе мешает придумать порох непромокаемый?
Козьма Прутков

Посвящение

Каждый в детстве что-нибудь коллекционировал. Кто фантики от конфет, кто марки, кто спичечные наклейки. Один мой знакомый собирал коллекцию пауков. Как-то их специально засушивал и держал в коробочках из-под пудры. Другой мой знакомый был помешан на оловянных солдатиках. Лично я коллекционировал всё подряд – и фантики, и марки, и спичечные наклейки, и книги, и закладки для книг. Только от пауков бог миловал. В школе на переменках, на улице и в полутьме подворотен кипели коллекционерские страсти. Одно бельгийское Конго с бабочкой *Satyrus hermione* шло за десять видов столицы братской Монголии города Улан-Батор. Набор спичечных этикеток с вредителями сельского хозяйства (двенадцать штук) приравнивался к пяти деятелям Парижской коммуны или же к одному Че Геваре в берете и с пулемётом в руках. Комплект журнала «Техника – молодёжи» с «Туманностью Андромеды» стоил трёх романов Немцова. И так далее. Годам к тринадцати, переболев собирательством, повзрослевший человек успокаивался. Интересы менялись – кто-то начинал замечать, что девочки не совсем одно и то же, что мальчики. Другие записывались в Дома и во Дворцы пионеров, чтобы помалу приобщаться к полезной деятельности – дудению на горне или трубе, паянию электрических схем, моделированию летательных аппаратов, рисованию портретов и натюрмортов. Третьи, разочаровавшись в жизни, ступали на тропу хулиганства, готовя благодатную почву для нынешней криминальной России. Каждый искал себя, такова уж человеческая природа. И лишь самые неутомимые и азартные не выпускали коллекционерское знамя и пронесли его через всю жизнь. Вот таким-то и посвящается эта повесть.

Глава первая

Валенок и его хозяин

На город навалилась жара – после долгого холодного марта это было неожиданно и приятно. Мы все снимали шапки и позабрасывали их на шкафы. На улице не было лужи, которая не захотела бы вдруг сделаться океаном; и делались, переливаясь через края и рождая торопливые речки. По ним плыли из варяг в греки наши белые бумажные корабли. Из земли полезли трава и какие-то маленькие букашки. Коты сопели на солнце и мирно улыбались прохожим. Весна примирила всех. Даже голуби клевали с руки.

Вот в такой сумасшедший день я и мой приятель Щелчков стояли на берегу Фонтанки и смотрели, как мимо нас плывёт одинокий валенок. Плыл он в положении стоя на обтаявшей, ноздреватой льдине, и мы ему немного завидовали. За Калинкиным начиналось море, а я и мой друг Щелчков бредили островами сокровищ, берегами слоновой кости, пиратами мексиканских заливов и прочими романтическими страстями.

– Жалко, – сказал Щелчков, – что до лета ещё два месяца. Вон в Африке всегда лето. А здесь ждёшь не дождёшься, а оно раз – и кончилось.

Валенок, равнодушный к миру, ушёл в тень под Английский мост.

– Интересно, – сказал Щелчков, – доплывёт он до мыса Горн?

– Не знаю, – ответил я. – Океан – опасная штука. Налетит какой-нибудь шквал, или спрут под воду утянет, или пресная вода кончится. Всякое может быть.

– Да, – загрустил Щелчков. – Живёшь здесь, как лягушка в болоте. Ни пиратов, ни акул – ничего. Кран на кухне открыл – и пей себе, пока из ушей не польётся. Скука! – Щелчков зевнул. – Я летом, когда буду на даче, сделаю себе настоящий плот, из шкафа, я уже придумал какой. Речка там будь здоров, почти как наша Фонтанка, только берега не такие. И помельче, зато есть водопад...

– погоди! Пстой! Ну куда же ты! – Вдоль берега прокатился крик, тихий и какой-то обиженный. Но что всего удивительнее – тихий-то он был тихий, но сразу же заглушил и Щелчкова, и автомобильную возню на Египетском мосту, и звонкие голоса трамваев.

Щелчков мгновенно примолк. Мы оба повернули головы влево и увидели такую картину.

По стёршемуся граниту набережной бежал человек. Лицо его было маленькое, глаза мелкие, рот большой. Бежал он прямо на нас, размахивая огромным зонтиком. Ручка зонтика была выставлена вперёд и загнута на конце крючком.

Выглядел человек странно – в пиджаке сомнительного фасона, в галстук в зелёный горошек, в розовой, навывпуск, рубашке и в сиреневых спортивных штанах. Левая нога была в валенке, правая – в махровом носке с выглядывающей из дырки пяткой. Носок был морковно-красный, пятка – неопределённого цвета.

Он с шумом пробежал мимо, зыркнув глазом по нашим лицам и обдав непонятным запахом. Сладким и каким-то солёным, с лёгким привкусом увядшей берёзы. Будто воблу сварили в сахаре, перемешивая берёзовым веником.

Мы, как по команде, переглянулись и повернули головы ему вслед.

Человек взбежал на Английский мост, ткнул зонтиком куда-то через перила, потом скатился клубком на набережную и побежал к ближайшему спуску.

Мы тихонько поспешили за ним и, немного не доходя до спуска, встали за гранитную тумбу.

Человек стоял на краю, на низкой гранитной кромке, и ручкой зонтика тянулся к воде. Перед ним медленно, как во сне, плыл на маленькой аккуратной льдинке наш старый знакомый – валенок.

– Ну немножечко, ну ещё... – волнуясь и прискакивая на месте, уговаривал он непослушную льдину, – ещё чуточку, на два сантиметра...

Но льдина на уговоры не поддавалась. Она тихо себе плыла и думала о чём-то своём.

Человек на берегу чуть не плакал. Та нога, что была без валенка, выводила печальный танец; левая, сочувствуя правой, нервно и не в такт ей притопывала.

Мы смотрели, как человек старается, и нам его стало жалко. Первым сообразил Щелчков. Он вытащил из кармана гайку, прищурился и метнул в воду. Она булькнула перед носом льдины и погнала маленькую волну. Льдина удивлённо подпрыгнула и слегка подалась к берегу. Зонтик клацнул по ледяному краю; валенок лениво качнуло.

– Так, ага, вот-вот-вот, спасибо... – Рука с зонтиком потянулась к валенку. – И ещё...

Но в этот момент судьба, похоже, отвернулась от человека с зонтиком окончательно. Раздался плеск, зонт выпрыгнул из руки хозяина и, как сонная озёрная рыба, бухнулся в холодную воду. И мгновенно пошёл ко дну.

– Это что же... Это куда же...

Человек сбросил с себя пиджак, потом поправил сбившийся галстук и погрозил кулаком реке. Неудача вывела его из себя; из робкого, неуверенного, спокойного он сделался сердитым и шумным.

– Морду набью уроду!

Валенок был уже далеко.

– Утоплю гадину!

Он с силой размахнулся ногой и ударил по недосыгаемому обидчику. Валенки, стоявший на льдине, на это не ответил никак. Зато тот, что был на ноге, ракетой взметнулся в воздух и, описав коротенькую дугу, приземлился рядышком со своим напарником.

Столь коварный зигзаг судьбы вывел бы из себя и мёртвого. Но не таков был человек в галстук. Он три раза вдохнул и выдохнул, сделал двадцать пять приседаний, вытащил из кармана расчёску и тщательно причесал волосы. Затем надел на себя пиджак и направился в нашу сторону. По лицу его блуждала улыбка. Виноватая и немного жалкая.

– Правильно говорит поговорка, – сказал он, проходя мимо. – Погонишься за копейкой, а потеряешь на рубль.

Незнакомец развёл руками и, насвистывая арию мистера Икс из любимой оперетты моего дедушки, пошлёпал по плитам набережной. Из круглых дырок в его красных носках печально глядели пятки.

Глава вторая

Огуречный король: Явление первое

Льдина мирно тёрлась о берег и загорала на тёплом солнышке. На ней дремали злополучные валенки. Напротив из-под арок моста медленно вытекала Фонтанка и поворачивала к близкому морю. А здесь, над тёмной неподвижной водой, стояли голые ещё тополя и скандалили голодные чайки.

– Ну нашли мы его валенки, и что дальше? – спросил я у Щелчкова.

– Теперь найдём самого хозяина и вернём их ему, – ответил Щелчков, прикладывая к ноге находку. Валенки были велики. Он приложил второй. Второй был тоже велик.

– Где ты его найдёшь? Человек в городе как иголка.

– Это просто, – сказал Щелчков, засовывая в валенок руку. – Напишем объявление с нашим адресом. Повесим его на... – Щелчков не договорил; он наморщил лоб и вытащил из валенка руку. В руке была зажата бумажка, маленький квадратный листок, заполненный какими-то буквами.

Вот что мы прочитали:

«Фонтанный рынок. Ряд 1, место 4. Веники, петушки на палочке, вобла вяленая. Оптом, в розницу. Кочубеев».

– Видишь? – сказал Щелчков. – И объявлений писать не надо.

Мы отправились на Фонтанный рынок.

Рынок встретил нас суматохой и толчеей. Какие-то небритые личности привидениями мелькали в толпе, предлагая угрюмым шёпотом флаконы с крысиным ядом. Такие же небритые личности навязывали беспроектные билеты, зазывая принять участие в лотерее «Не в деньгах счастье».

Мы ходили между рядами, присматриваясь к их населению и приносиваясь к различным запахам. Человека в красных носках среди торгующих почему-то не было. И почему-то ниоткуда не пахло ни вениками, ни воблой, ни петушками.

Мы три раза обошли все ряды. Валенки, которые мы спасли, мирно спали у Щелчкова под мышкой подошвами в обе стороны – как сомлевший Тяни-толкай. На четвёртом витке обхода из-за бочки с ржавыми огурцами высунулась чья-то рука.

– Эй, – сказала эта чья-то рука, тыча в нас прокуренным пальцем. – Ты, с прыщом на носу, почём у тебя товар?

У меня был прыщ на щеке, значит обращались к Щелчкову.

– Товар? – пожал плечами Щелчков. – Не знаю никакого товара.

– А под мышкой у тебя что? – Зрячий палец смотрел на валенки.

– Это не товар, это валенки.

– Я про них и спрашиваю: почём?

– Нипочём, – ответил Щелчков. – Это мы хозяина ищем. Кочубеев его фамилия. Первый ряд, четвертое место. Мы их на Фонтанке нашли.

Рука спряталась, за бочкой что-то забулькало. Рядом, на соседнем прилавке, дремало свиное рыло. Толстый дядька в кровавом фартуке затачивал тесаком спичку. Он её заточил как гвоздик и раскрыл свой просторный рот. Бульканье за бочкой не утихало.

Мы стояли и не знали, что делать – уходить или подождать ещё. Наконец бульканье прекратилось. Снова показалась рука: на этот раз она возникла над бочкой, ухватила пальцами огурец, повертела его и спряталась. Теперь за бочкой уже не булькало, а хрустело.

– Пошли отсюда, – сказал Щелчков и потянул меня вдоль ряда на выход.

Но не сделали мы и пяти шагов, как услышали сзади смех.

– Кочубеев его фамилия, – пробивались сквозь смех слова. – Первый ряд, четвертое место. Бегония, эй, ты слышал? Тумаков, Вякин, вы слышали?

Мы остановились и обернулись.

Над бочкой, как пожарная каланча, возвышался очень тощий субъект, похожий на скелет человека. Человека, который смеётся. Руками он держался за бочку, а зубами – за слюнявую папиросу, пыхтящую ядовитым дымом.

– Всю жизнь здесь огурцами торгую, а такого чудного дела... – шепелявил он, тряс папиросой и частями своего тщедушного организма. – Бегония, генацвали, вах! Ты про бумеранг знаешь?

Толстый дядька за прилавком с мясопродуктами кончил колдовать зубочисткой и нехотя повернулся к тощему.

– Ась? – спросил он коротко, по-восточному.

– Видишь пацана с валенками? – Тощелый показал на Щелчкова. – Это тот самый валенок, который с того мужика свалился, которого ты за шкирку тряс, который ты за крышу забросил.

– Не-э-эт, этот не тот, тот один был, а этот два, – ответил тощему толстый.

– А ты спроси у этого пацана, тот он или не тот. – Тощий обошёл бочку и, пожёвывая свою папиросу, вприплясочку направился к нам. По пути он выудил огурец из бочки и заложил его себе за правое ухо.

Щелчков вынул валенки из-под мышки и убрал за спину. На всякий случай, чтобы не отобрали.

– Первый, говоришь, ряд? – Верзила подошёл к нам. – Фамилия, говоришь, Кочубеев? – Тощий переломился в поясе, и голова его вместе с кепкой оказалась за спиной у Щелчкова. Щелчков съёжился; с огурца, который прятался у верзилы за ухом, капало ему на затылок. – Бегония, это тот! – закричал он вдруг словно резаный. – Я же говорю: бумеранг. Ты его туда, он – обратно. И ещё с собой приятеля прихватил.

Вокруг нас уже толпились зеваки.

Длинный выдернул из человеческой гущи какого-то тугоухого дедушку и орал ему, размахивая руками:

– Витька-то наш, слышь, приболел – может, съел чего-нибудь несъедобное, может, кильку, может, ватрушку, может, голову себе отлежал, когда ночевал на ящиках. Ну а этот, ну которого валенок, заявился, понимаешь, как хорь, и раскладывается на Витькином месте...

– Ёршики, они для навару, – кивал ему тугоухий дедушка, и в голове у него что-то скрипело.

– Я ему говорю: погодь. – Тощелый поменял слушателя и рассказывал уже какому-то инвалиду на самодельном металлическом костыле. – Это что же, говорю, получается: для того Витёк травился гнилой ватрушкой, чтобы всякий залётный хорь покушался на его закон-

ное место? И бумажку, говорю, мне не тычь, человек, он, говорю, не бумажка, даже если у него бюллетень. Крикнул я тут Вякина с Тумаковым, крикнул я тут Бегонию...

– Который? Этот? С прыщом? Или длинный, который в кепке?

– Вору югу поймали... двух. Один на шухере стоял, на углу, другой колёса с автомобилями свинчивал. А эта бабка, вон та, с корзиной, на Таракановке этими колёсами спекулировала...

– Бабку они с балкона скинули, хорошо, был первый этаж...

– Против ветру оно конечно, против ветру только в аэроплане...

Скоро всё это мне надоело. Народ нервничал и ходил кругами, болтая всякую чепуху. Инвалид уже размахивал костылём, выбирая из толпы жертву. Тугоухий дедушка улыбался; он рассказывал, как солить треску. Тощий, одна нога босиком, держал в руке лохматый полуботинок и объяснял на живом примере особенности полёта валенка. Кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то громко жевал батон. Тихая, убогая собачонка болталась у жующего под ногами и слизывала с асфальта крошки.

Я тыкнул Щелчкова в бок, но это уже был не Щелчков, а какой-то гражданин в шляпе. Он странно на меня посмотрел, но тыкать в ответ не стал – наверное, не хотел связываться.

Щелчков куда-то исчез и объявился только через минуту; в руке у него был огурец, зато валенков почему-то не было.

– Я его у кощя выменял. – Он ткнул огурец мне в нос. – На валенки, пропади они пропадом. На, кусай половину.

– Не буду, – сказал я, морщась. – От него ухом воняет.

– Как хочешь, – сказал Щелчков и сунул огурец в рот.

Сунул и тут же вынул.

Глава третья Спичечный коробок с ракетой

У стенки на газетной подстилке лежал скромный спичечный коробок с космической ракетой на этикетке.

Коробок лежал не один. Рядом с ним на той же газете расположились, тесня друг друга, кучки гвоздиков, шайб, шурупов, маленькие моточки проволоки, лампочки со сгоревшей нитью, горка пластиковых пробок от бутылок из-под шампанского, заводная курочка-ряба, мутный полосатый стакан, деревянная подставка для чайника в виде профиля Пушкина-лицеиста и прочие чудеса и диковины.

Но ни Пушкин, ни железный свисток нас не интересовали. Мы видели одну лишь ракету, ласточкой летящую среди звёзд. И гордую надпись «СССР» на её красивом боку.

У Щелчкова такой этикетки не было. Были с Белкой и Стрелкой, с первым искусственным спутником Земли, с Циолковским было четыре штуки, а вот просто с ракетой не было. И у меня не было.

Я бросился к коробку первым. Шаг у меня был шире, и руки длиннее, чем у Щелчкова, на целых два сантиметра. Я расставил руки крестом, заслоняя от Щелчкова газету. Я забыл, что такое дружба. Я забыл, что он мой сосед и мы сидим с ним за одной партой. Я забыл, что я ему должен за три контрольные по русскому языку. Я забыл, что прошедшим летом брал у него сачок и удочку. Я забыл, где я живу. В каком городе и на какой планете. Я забыл своё имя. И отчество, и даже фамилию. Я помнил только одно. Дома в коробке из-под зефира хранится моё сокровище. Моя коллекция спичечных этикеток. В двух тонких тетрадках в клеточку. Которую я собирал полгода. По урнам, улицам, по дворам, выменивал у друзей-приятелей, выпрашивал у знакомых и незнакомых. И в этой моей коллекции не хватает самого главного – маленькой наклейки с ракетой.

Звёзды на наклейке вдруг ожили и замерцали, как в настоящем небе. В иллюминаторе ракетного корабля появилось человеческое лицо и подмигнуло мне добрым глазом. Или это мне показалось сдуру?

– Чем, ребята, интересуетесь? – раздался голос непонятно откуда. – Стаканом? Курочкой-рябой? Есть шурупчики для мелкой работы, «пусто-пусто» из домино, графин...

Меня как в сугроб воткнули. Или окатили водой. Я резко повертел головой и упёрся глазами в стену. У стены сидел старичок. Я палец собственный готов был отдать на съедение – только что у стены никакого старичка не было.

– С лёгким паром, – сказал я нервно. И добавил: – Спокойной ночи.

– Вот лампочка, – продолжал старичок, – вещь в хозяйстве совершенно незаменимая. Любая мама спасибо скажет. Применяется для ручной штопки. Вот вроде бы обыкновенная пробка от бутылки из-под шампанского. А надеваешь её на ножку стула, и на паркете ни единой царапины. Не пробка – настоящее чудо. А этот стакан, видите? – Старичок подхватил с газеты мутный полосатый стакан, поставил его себе на ладонь и другой ладонью прихлопнул. Ладони сложились плотно; стакан куда-то исчез. – Фокус-покус. – Старичок рассмеялся. – Ловкость рук и никакого мошенничества. – Старичок приподнял ладонь. На руке я увидел кольца, уложенные одно в другое. – Сделано в ГДР, – сказал он, переворачивая бывший стакан кверху дном. – А в придачу ещё и зеркальце. – Старичок показал нам зеркальце. – Выпил, стакан сложил и смотри, какой ты весь из себя красивый.

– Ко... ко... ко... – заикался Щелчков, отеснив меня плечом в сторону и не отрывая взгляда от коробка.

– «Ко... ко... ко...»? – улыбнулся дедушка. – Вы имеете в виду курочку-рябу или спичечный коробок с ракетой? Вижу, вижу, что не курочку-рябу, а коробок. Хотите знать, сколько я за него возьму? Всё зависит от покупателя. Иному не отдам и за рубль, а иному и без денег не жалко.

Старичок внимательно посмотрел на Щелчкова. Тот топтался со своим огурцом, зажатым в кулаке, как граната. Наверное, огурцу было больно, крупные солёные слёзы катились у него по щеке и падали на пыльный асфальт. Видя такое дело, старичок пожевал губами.

– Ладно, ладно, уговорил, сдаюсь. Значит, так: ты мне – огурец, я тебе – коробок с ракетой. Если ты, конечно, не возражаешь. Огурец – продукт положительный, улучшает пищеварение организма. Особенно когда натошак.

Он взял двумя пальцами огурец, повертел его так и этак, лизнул, посмотрел на свет, поскрёб огурцом о стенку и, видимо не найдя дефектов, убрал огурец в карман.

Это было очень обидно – видеть, как у тебя из-под носа беспардонно умыкнули сокровище.

«Валенки мы вместе спасали, огурец был тоже напололам, а наклейка будет в его коллекции», – думал я, моргая по-лягушачьи.

Мне хотелось застрелиться и умереть. Чтобы этот подлец Щелчков, когда меня похоронят, пришёл на мою могилу и, рыдая, сказал. Прости, сказал бы Щелчков. Я был жадиной и нахалом. Валенки мы вместе спасали, огурец был тоже напололам, а спичечный коробок с ракетой я присвоил себе. И тут он достаёт коробок и кладёт на мою могилу. Я жду, когда он уйдёт, и тихонечко, чтобы никто не видел, быстро вылезаю из-под земли. Кладу коробок в карман и уплываю на плоту в Африку.

– Так, несанкционированная торговля! – Голос прогремел будто с неба. – Ваши документы, гражданин.

Я вздрогнул от неожиданности. Рядом с нами, красношляпый, как мухомор, вырос хмурый милиционер с дубинкой. Он жевал свой могучий ус, а его казённый полуботинок выбивал на асфальте дробь.

– Чего там с ними миндальничать. За руки, за ноги и в тюрьму. Правильно, товарищ Гаврилов?

Хмурый милиционер обернулся. Мы со Щелчковым тоже. Тощегрудый огуречный торговец, тот самый, чей предательский огурец заставил меня усомниться в порядочности отдельных личностей, улыбался милиционеру блаженно. Ноги его были обуты в спасённые нами валенки, рабочий халат распахнут. На груди по горбушкам волн плыли лодочки, киты и русалки.

– А у вас, гражданин Ухарев, советов никто не спрашивает.

– Я чего – я ничего. Развели, говорю, спекулянтов на свою голову. Тюрьма по ним плачет, баланда стынет.

Тощий в валенках втянулся в толпу.

Хмурый милиционер вздохнул и вернулся к своим баранам.

– Ваши, гражданин, документы, – повторил он, глядя на старичка. Веснушки на курносом милицейском носу заалели, как на болоте клюква, – из-за низкого скоса крыши выплыло весеннее солнце.

– Имеются, а как же, мы ж понимаем. – Старичок ничуть не смутился, а, напротив, заулыбался весело. – Даже солнце, – показал он на солнце, – живёт по установленному закону. Восход тогда-то, заход во столько-то. А уж мне, старому человеку, без закона нельзя никак. Вам паспорт? Или справочку из собеса? Вы штопкой, я извиняюсь, не увлекаетесь? А то грибок, пожалуйста, в виде лампочки. Очень нужная в домоводстве вещь. И шурупчики для мелкой работы... – Тут старик подскочил на месте и схватился руками за голову. – Ну конечно! Как я сразу не догадался! – Он поднял с газеты стакан и завертел им перед носом милиционера. – Стакан дорожный складной гэдээровский со специальным зеркальцем для бритья. Мечта всякого культурного человека...

Милиционер мотнул головой и почесал себе за ухом дубинкой.

– Вы мне, это... – сказал он строго. – Вы мне уши, в смысле, зубы не заговаривайте.

– Что вы, что вы. – Старичок поклонился. – Вот, пожалуйста, мои документы.

И легучим движением руки он поднял с земли коробок с ракетой и протянул его стражу порядка.

Тот повёл себя как-то странно. Не кричал, не топал ногами, а поднёс коробок к глазам и вяло зашевелил губами. Затем отдал коробок владельцу, козырнул и сказал: «Порядок».

И тут над рыночными рядами пронёсся звериный рык. Люди втянули головы. Рык превратился в стон, затем в глухие жалобные похрюкивания.

– Посторонись! – Прореживая толпу дубинкой, усатый милиционер Гаврилов уже двигался к источнику шума. – В чём дело? Почему крик?

– Грабёж среди бела дня. – Толстый дядька в кровавом фартуке тёрся крупной щекой в щетине о свисающую баранью ногу. Брови и глаза его были грустные. – Я присел завязать шнурок, ну, секунда, ну, пять от силы, и па-а-жал-ста – украли свиную голову. У Кляпова голову не украли, у Тумакова голову не украли, у Ухарева огурцы не похитили, а у Бегонии – пожалуйста, хить?

– Протокол... Свидетели... Есть свидетели?

Милиционер обвёл глазами толпу, постукивая карандашиком по планшету. Задержался взглядом на подозрительной старушке с усами, выхватил зрачком из толпы инвалида на железной ноге. Но ничего похожего на свиное рыло не обнаружил.

Среди шума и поднявшейся суеты мы забыли про коробок с ракетой, а когда вспомнили и вернулись к стене, там уже никого не было. Старичок бесследно исчез, и ракета на коробке тоже.

Глава четвёртая

Подвиг хулигана Матросова

С рынка мы возвращались молча. Молча перешли через мост, молча повернули на набережную, миновав молчаливых сфинксов. Я угрюмо посматривал на Щелчкова, он угрюмо посматривал на меня – видно, чувствовал, как кусает совесть.

Если я когда-нибудь и сержусь, это длится ну час от силы. На этот раз моё сердитое состояние продолжалось ровно двадцать минут. Я уже собрался остановиться и протянуть товарищу руку дружбы, как из-за толстого ствола тополя, потеющего на тёплом солнце, вылезла сначала нога, затем весь хулиган Матросов.

– Какие люди! Какая встреча!

Вразвалку, людоедской походкой он медленно шагнул нам навстречу и грудью загородил дорогу. Следом из-за того же дерева вышли Громилин с Ватниковым и начинающий хулиган Звягин. С наглыми улыбочками на лицах они встали за спиной атамана.

– Хе-хе, мордобой заказывали? – скаля зубы, сказал Матросов.

Хулиганы Громилин с Ватниковым идиотски загоготали. Начинающий хулиган Звягин схватился за свой впалый живот.

Мы насупились и ждали, что будет. Хотя ждать было особенно нечего; встречи с хулиганом Матросовым кончались известно чем.

Вообще хулиган Матросов был злым гением нашей улицы. Из школы его выперли в третьем классе за сожжение новогодней ёлки. Родители на него махнули рукой, милиция смотрела сквозь пальцы. Иногда его, конечно, ловили, приводили в детскую комнату, но терпения у тамошних воспитателей хватало часа на два; а потом его выпроваживали обратно.

Про подвиги его ходили легенды. К примеру, прошедшим летом на спор с хулиганом Ватниковым он совершил глубоководное погружение в бочку с квасом у кинотеатра «Рекорд». Влез на бочку, откинул крышку и нырнул туда в чём мать родила. Очередь, конечно, заволновалась, тётка-продащица занервничала. Когда на шум явился милиционер, Матросов уже сидел на крыше углового четырёхэтажного дома и поплёвывал с неё на прохожих. Из ближайшего отделения милиции прибежали два десятка милиционеров и через парадные и чёрные лестницы бросились его обезвреживать. Внизу, конечно, не остался из них никто, всем, конечно, хотелось совершить геройское задержание лично. Так вот, хулиган Матросов, чувствуя, что пахнет баландой, как какой-нибудь акробат в цирке, по хлипкой водосточной трубе в три секунды спустился вниз, у Громилина стрельнул папиросу, у Ватникова прихватил огоньку, потом вежливо помахал всем ручкой и прыгнул в отходящий трамвай.

Историй таких, как эта, про Матросова рассказывали десятки.

Вот теперь и мы со Щелчковым вляпались в очередную из них. И похоже, что в роли жертв.

– Ватников, папиросу!

Не убирая с лица улыбку, Матросов выставил над плечом два пальца – средний и указательный; Ватников достал папиросу и вставил её между пальцами предводителя. Тот сунул отраву в рот и, жамкая, приказал:

– Огня!

Громилин развёл руками; Звягин завозился в карманах, вытащил горелую спичку, но больше ничего не нашёл.

– Огня! – повторил Матросов.

– Нету! – ответил Ватников. – Мы ж, когда бачки поджигали, полный коробок счиркали.

– Плохо, – сказал Матросов. – А ты пацанов спроси. Может, они курящие?

– Да уж, эти курящие, у этих на роже видно.

Ватников обогнул Матросова и медленно направился к нам.

– Значит, так, – сказал он, приблизившись. – Кто тут из вас курящий?

– Мы не курим, – сказал Щелчков; зубы его выстукивали морзянку.

– Они не курят, – сказал Матросов. – Наверное, пацаны – отличники. Звягин, ты у нас самый умный. Ну-ка спроси отличников что-нибудь из школьной программы. С трёх раз не ответят – устроим им проветривание мозгов.

Начинающий хулиган Звягин вышел из-за плеча Матросова. Он яростно наморщил лицо, отчего оно стало похоже на грушу из сухофруктов.

– Если два пацана, – начал он свой длинный вопрос, – поставили три фингала двум другим пацанам, а те, которым они эти фингалы поставили, первым двум поставили на один фингал меньше, спрашивается, сколько осталось неподбитыми у них у всех глаз?

Быстрее всех сосчитал Матросов, хотя вопрос был обращён не к нему.

– Один, – сказал он, ковыряя в носу. – Пять отнять четыре будет один.

– Три, – сказал я секундой позже. – Неподбитыми остались три глаза.

– Ясно, три, – подтвердил Щелчков.

Лицо у хулигана Матросова сделалось табачного цвета.

– Это как это? – Он опасно взглянул на Звягина. – От пяти, – он поднял пять пальцев, – отнять четыре... – Матросов загнул четыре. – Будет... – Он долго смотрел на палец, оставшийся после операции вычитания, и медленно шевелил губами. Лицо его расплылось в улыбке, из табачного превращаясь в розовое. – Один! – Он торжественно поднял палец, потом сложил из кулака фигу и покрутил ею у меня перед носом. – Накось выкуси, математик. А теперь проверим ответ на практике.

Матросов поплевал на кулак. Я напрягся, ожидая удара. Сзади сипло, как натруженный чайник, мне в затылок дышал Щелчков. Рука моя, не знаю зачем, сунулась в карман брюк. И сразу же нащупала коробок. Откуда он там взялся, не понимаю. Пальцем я погладил наклейку.

Глава пятая

Похититель свиного рыла

Только я это сделал, как сверху, с необхватного тополя, под которым мы все стояли, посыпались какие-то щепочки и прочий древесный вздор. Ветки наверху закрипели.

Мы разом подняли головы.

Метрах в четырёх над землёй из рогатины раздвоенного ствола на нас глядело свиное рыло.

От этого угрюмого взгляда в голове моей стало пусто: оттуда выдуло и память о коробке, чудесным образом объявившемся у меня в кармане, и о коварном хулигане Матросове, и вообще обо всём на свете. На всякий случай я зажмурил глаза. Когда я их наконец разжмурил, вокруг стояли тишина и покой. Топот хулиганской четвёрки делался всё тише и тише и скоро затих совсем. Значит, от Матросова мы отделались. Оставалось свиное рыло.

Прикрывая руками голову, я с опаской взглянул вверх.

Рыло никуда не исчезло; молча пялилось на нас с высоты, и совершенно неясно было, какие мысли у него на уме. Так оно смотрело, молчало, потом сказала очень знакомым голосом:

– Ребята, это я – Шкипидаров. Снимите меня отсюда, я уже всю задницу отсидел!

Сзади зашевелился Щелчков.

– Какой же ты Шкипидаров, – сказал он, выступая вперёд. – У Шкипидарова лицо не такое. И вообще, Шкипидаров рыжий.

– Шкипидаров я, Шкипидаров, – не унималось свиное рыло. – Это я от погони спрятался. Вплотную подойдя к дереву, Щелчков задумчиво поскрёб по стволу.

– Голос будто похожий, – сказал он, сощурился. – Но лицо... – Он снова задумался. Потом хитро посмотрел на меня, подмигнул и спросил у рыла: – Слушай, если ты Шкипидаров, ответь-ка мне тогда на вопрос: в пятницу в школьной столовке сколько ты съел пирожков на спор с Барановым и Козловым?

– Одиннадцать, – ответило рыло. – Шесть с мясом и пять с повидлом.

Всё правильно. Мы со Щелчковым переглянулись.

– Как же ты так забрался, – спросил Щелчков, – что слезть обратно не можешь? И почему у тебя другое лицо?

– Это у меня не лицо. Лицо моё – оно вот... – Из-за рыла высунулась рука, подвинула рыло в сторону, и мы увидели лицо Шкипидарова, всё в солнечных апрельских веснушках. – А как на дерево забрался, не знаю. Думал, за мной погоня.

– Интересно, – сказал Щелчков, – а не то ли это самое рыло, которое на базаре стыбзили? Шкипидаров, а Шкипидаров? Скажи честно, ты его стыбзил?

Я внимательно пригляделся к рылу. Может, то, а может, не то. Рыла они рыла и есть, все на одно лицо. Сонными заплывшими глазками оно глядело за Египетский мост. Я украдкой проследил его взгляд, но подозрительного ничего не заметил.

На дереве сопел Шкипидаров.

– Ладно, – сказал Щелчков. – Мне без разницы – стыбзил или не стыбзил. Если бы не твоё рыло, мы так просто от Матросова не отделались бы. – Он стащил с себя форменный пиджачок с чернильными разводами на кармане. – Шкипидаров, ты видел когда-нибудь, как работают пожарные на пожаре? Как они спасают людей с горящих этажей зданий? Не видел? Сейчас увидишь. – Щелчков протянул мне край своей снятой с плеча одежды; сам взялся за другой край, второй рукой ухватившись за воротник. Я проделал то же самое, что и он. – На-а-тягиваем! – сказал Щелчков. Что есть силы мы натянули куртку. – Эй, там, наверху! – крикнул он сопящему Шкипидарову. – На счёт «один» – прыгай. – И, не медля, повёл отсчёт: – Три, два...

Наверху затрещали ветки. Хриплый голос Шкипидарова произнес:

– Так нечестно, считай помедленнее.

Щелчков не слушал, он продолжал считать.

– Один на ниточке... Один.

Мы зажмурились.

Что-то быстрое и тяжёлое, как булыжник, просвистело мимо наших ушей, потом ударило по натянутой куртке, отскочило и, перелетев парашют, бухнулось в текучую воду.

В страхе мы открыли глаза.

– Шкипидаров! – крикнул Щелчков, и мы бросились к чугунному ограждению. Крупные круги на воде и разводы потревоженной муты – это всё, что мы увидели на поверхности.

– Шкипидаров! – закричали мы оба, вглядываясь в равнодушную воду.

Со дна выскочил зелёный пузырь, подержался с две секунды на воздухе, затем лопнул с издевательским звуком.

Я невесело смотрел на Щелчкова. Тот вздохнул и потупил взгляд.

– «Так работают пожарные на пожаре», – ядовито передразнил я его.

– Ну не рассчитал, ну бывает, – вяло стал оправдываться Щелчков. – Я ж не думал, что он будет такой... упругий... Это всё пирожки, которыми он в пятницу обожрался.

– Из-за нас человек утонул, а ты мне про какие-то пирожки!

– У-ю-ю!.. – послышалось за нашими спинами.

Мы растерянно обернулись. Лица наши на мгновение застыли, потом вытянулись, словно резиновые. Ноги стали прыгучими, как пружины. Щелчков подпрыгнул и подбежал к тополю. Я – за ним.

С оттаявшей полоски земли между топодем и плитами набережной на нас смотрели два ошалелых глаза. Облупленный веснушчатый нос жалобно посапывал между ними.

– Жив, утопленник, даже не покалечился. – Щелчков внимательно разглядывал Шкипидарова. – Мы же думали, ты на дне. Мы же думали, тебя рыбки кушают. Погоди... – Щелчков вдруг нахмурился и посмотрел на Шкипидарова исподлобья. – Если утоп не ты, то кто же тогда утоп? Кто же тогда в воду-то бухнулся?

Я, прищурившись, посмотрел на небо. Солнце не стояло на месте, оно тихо уплывало на запад за далёкий Калинин мост.

«Интересно, который час?» Я вдруг вспомнил, что ещё не обедал. Щелчков, наверное, подумал о том же.

– Дяденька! – прокричал Щелчков незнакомому рыболову с удочкой, расположившемуся неподалеку у тумбы. Рыболов был лысый, как яйцо; локоть уперев в парапет, он подёргивал бамбуковое удилище и уныло смотрел на воду. – Сколько времени, скажите, пожалуйста.

Откуда этот рыболов появился, за заботами мы так и не поняли. Набережная была вроде пустая. Лишь у тумбы, где он стоял, лежала старая зелёная шляпа, и из неё показывала нам зубы маленькая рыбка-колюшка.

Дяденька с удилищем вздрогнул и косо посмотрел в нашу сторону. В его лысине отразилось солнце и, слепя, ударило нам в глаза.

Мы так и не дождались ответа. Рыболов вдруг забыл про нас и, резко подсекши леску, потянул удилище на себя. Судя по играющим желвакам и всей его напряжённой позе, клюнуло что-то крупное. Он упёрся в тумбу ногой и в каком-то нечеловеческом развороте выбросил добычу на берег.

Мы смотрели на чудо-рыбу. Мёртвыми свинячьими глазками чудо-рыба смотрела на нас. Со сморщенного свиного уха свисала мокрая спортивная шапка.

Шкипидаров, увидев шапку, моментально порозовел и развеселился. Он кинулся к свиной голове и сорвал с неё головной убор.

– Нашлась! – кричал он счастливым голосом. – Спасибо, дяденька, большое-пребольшое за шапку! Меня ж папаня точно бы за неё убил. Спасибо, дяденька...

Но того уже след простыл. У гранитной тумбы не было ни рыболова, ни его шляпы.

– Ну а с этим что будем делать? – Я ткнул в свиное рыло ногой.

– С этим? – Шкипидаров нагнулся и поднял свиное рыло с гранита. – С этим просто.

Он размахнулся и швырнул свиное рыло в Фонтанку.

Глава шестая

Любовь Павловна Сопелкина, наша соседка

– Я на рынок за костями ходил, – занудным голосом рассказывал Шкипидаров, пока мы возвращались домой. – Для Муфлона, он же у нас редкой породы, комнатный волкодав, кроме костей, ничего не жрёт, и то если кости купили не в магазине...

– Да видели мы твоего волкодава размером с крысу, – сказал Щелчков. – Давай короче, а то никогда не кончишь.

– Короче, прихожу я на рынок, иду к прилавку, где костями торгуют, и только начинаю прицениваться, как сзади кто-то хлоп меня по плечу. Поворачиваюсь, а это Гмырин, тоже за костями припёрся. Гмырин, ну наш знакомый, мы с ним вместе собак выгуливаем...

– Знаем, Шкипидаров, не тормози...

– Хлопнул, значит, он меня по плечу, а потом и говорит мяснику: мне вот эту кучку, где мяса больше. И показывает на кости. То есть я пришёл первый, а он хочет вперёд меня. Я ему под нос фигу: это мне, говорю, где больше, а тебе – что после меня останется. «Вот, смотри, что после тебя останется», – отвечает на это Гмырин и показывает отрезанную пороссячью голову

на прилавке. Потом хватъ с меня шапку и на голову на эту натягивает. Я – за шапку, тяну обратно, а мясник в это время нагнулся, завязывает шнурок. Ну, я – дёрг, а шапка моя ни с места, будто клеём к рылу приклеенная. Я – сильнее, Гмырин мне рожи строит, а мясник всё со шнурком возится. Я со злости схватил её вместе с рылом и к Фонтанке проходными дворами. Сзади крик, как бежал – не помню, а очнулся уже на дереве.

– Значит, рыло всё-таки ты украл, – покачал головой Щелчков.

Шкипидаров пожал плечами.

– Не украл, – вступился я за него. – Воруют с умыслом, а здесь никакого умысла. Просто роковая случайность.

Мы простились возле нашей парадной; Шкипидаров жил за квартал от нас, в угловом сером доме на другой стороне улицы. Со Щелчковым мне прощаться было не надо, со Щелчковым мы жили в одной квартире. Мы и в классе с ним сидели за одной партой, и наши комнаты в коммуналке разделялись одной стеной.

Шкипидаров пошаркал к себе домой объяснять своему Муфлону, почему он не купил кости.

О своём походе на рынок мы ему говорить не стали.

* * *

Про коробок я вспомнил только тогда, когда по радио заговорили о космосе. О космосе мне всё интересно. Потому что я, когда вырасту, обязательно пойду в космонавты. Щелчков тоже, и это правильно, ведь не может такого быть, чтобы люди, особенно такие, как мы, всю жизнь сидели на одной и той же планете и не мечтали полететь на Венеру. Особенно после «Планеты бурь», которую мы со Щелчковым смотрели ровно тридцать три раза. Своей мечте я изменил лишь однажды – после «Человека-амфибии». Тогда я твёрдо решил стать человеком-рыбой и пошёл в нашу детскую поликлинику просить, чтобы мне сделали жабры. Но жабры в поликлинике мне делать не стали, сказали, что для этого нужно закончить четверть без троек, вот закончишь – и приходи. А я за труд в четверти получил тройка, потому что на табуретке, которую мы полгода делали на труде, какой-то умник вырезал слово «попа», и Константин Константинович, наш учитель труда, решил, что «попу» вырезал я, в «попе» не было ни одной ошибки, а в нашем классе я был единственный, кто писал без ошибок. В общем, не пошёл я в поликлинику делать жабры, да, наверное, это и правильно. Космос лучше, чем океан, в океане одна вода, а в космосе чего только нет. Сел в ракету – и летай себе сколько хочешь с утра до вечера.

Итак, я вспомнил про коробок. Как он объявился непонятно откуда в моём кармане в тот момент, когда хулиган Матросов плевал на кулак. Почему-то я был уверен, что это он, тот самый коробок с рынка, с мигающими звёздами на наклейке и летящей между ними ракетой. Только как он попал в карман? И где коробок сейчас? В кармане его не было точно, я проверял. Может, выпал, когда мы спасали с дерева Шкипидарова?

Моих родителей дома не было, они уехали к знакомым на новоселье. На кухне хозяйничала Сопелкина. Когда на кухне хозяйничает Сопелкина, лишний раз там лучше не появляться. Если неогреет сковородой, так ошпарит кипятком из кастрюли. И тебя же обвинит после этого, что специально сунулся ей под руку, чтобы дали освобождение от уроков.

В комнату ввалился Щелчков. В ногах у него путался задумчивый Тимофей Петрович, общественное животное кошачьей породы, выменянное когда-то жильцами нашей квартиры у знакомого живодёра на антенну от телевизора «КВН».

– Я всё думаю про тот коробок, – с ходу сообщил мне приятель.

Я ему не стал говорить о том, что думаю про коробок тоже.

– На нём звёзды на этикетке мигали. Не мигали, а потом замигали. – Он наморщил лоб, как Сократ, знаменитый философ древности, бюст которого мы видели в школе, когда нас вместе вызывали к директору. – И лицо в иллюминаторе улыбалось. Не улыбалось, а потом вдруг заулыбалось.

– Лица не было сначала вообще, – уточнил я. – Лицо появилось после.

Щелчков будто меня не слышал.

– У папы, – говорил он задумчиво, – была в тумбочке открытка с русалкой, только мама её почему-то выбросила. У русалки, если смотришь на неё так, – Щелчков ладонью показал как, – нормальная чешуя и хвост, а чуть её повернул иначе – она уже без чешуи, голая, и тоже тебе подмигивает, ну как звёзды на той наклейке.

На кухне что-то загрохотало. Я тихонько приоткрыл дверь и высунул голову в коридор.

У двери в ванную стояла Сопелкина. На появление моей головы она не среагировала никак. Уже это показалось мне подозрительным. Ну не может такого быть, чтобы Сопелкина вот так, равнодушно, терпела на себе чей-то взгляд.

Я вглядывался в фигуру нашей соседки. Что-то было в ней сегодня неправильное, что-то лишнее, но что – непонятно. И эти странные движения рук, будто бы соседка примеривается, как сподручней оторвать себе голову...

«Голова!» – до меня дошло. Голова на ней была не сопелкинская. У Сопелкиной голова кастрюлькой, а здесь мутная пузатая банка из-под каких-нибудь огурцов или помидоров. А ещё в таких вот уродинах наш сосед дядя Ваня Конкин выращивает китайский гриб.

Всё, что ниже, правда, было соседкино: те же тапки на босу ногу с разбегающимися во все стороны пальцами, тот же ношенный халат с лебедями.

Наша коридорная лампочка в это время чихнула светом, и я понял, что сравнение с банкой было вовсе никаким не сравнением. Это была голая правда. Действительно, на голове у соседки сидела пыльная стеклянная банка, что подтверждалось наклейкой с надписью: «Огурцы маринованные». Сама Сопелкина занималась тем, что, вцепившись в эту банку руками, то ли свинчивала её с себя, то ли, наоборот, навинчивала. Мелкие подводные звуки вяло вылетали из-под стекла и тут же, на лету, умирали, съеденные коммунальными стенами.

– Любовь Павловна, вам помочь?

Осторожно, прижимаясь к стене, я отправился выяснять ситуацию. Пару метров не дойдя до соседки, я внимательно вгляделся в стекло, пытаюсь по шевелению губ разобрать её невнятные речи. У меня ничего не вышло: мешала квадратная этикетка, наклеенная как раз на том месте, где шевелился соседкин рот.

– Заплачет рыбачка, упав ничком... – заорали дуэтом у меня за спиной Щелчков и общественное животное Тимофей Петрович.

– Эй, потише там! – крикнул я, и они заткнулись.

Я жестами показал Сопелкиной, что надо повернуть банку, чтобы был виден рот.

Соседка в ответ на это по-щучьи выпучила глаза и постучала кулаком по стеклу. Из щели между шеей и краем банки просачивалось глухое бульканье: что-то она мне говорила. Я сделал пару полшагов вперёд, но всё равно ничего не понял.

Тогда осторожно, не выпуская из виду соседкин тапок (а вдруг лягнёт?), я стал подходить к Сопелкиной. Она ждала меня, руки в боки. Сквозь стеклянный намордник поверх надписи «Огурцы маринованные» смотрели два её круглых глаза. Когда я был уже почти рядом, соседка выбросила руки вперёд, ухватила меня за плечи и резко притянула к себе. Затем откинула назад голову, подмигнула мне хохочущим левым глазом и опустила свою голову на мою.

Послышался звон стекла, в глазах моих стало пасмурно.

– Лучше лежать на дне... – запели у меня за спиной.

Но этого я уже не слышал.

Глава седьмая

Водятся ли в Африке комары?

– До Муфлона у меня был аксолотль Робсон, – насупившись, рассказывал Шкипидаров. – Это рыба такая аквариумная, с ногами, а Робсон – её фамилия, в честь негритянского певца Поля Робсона.

Дело было в среду после уроков. Мы сидели в древнем кузове пятитонки. Рядом отдыхали грузовики и грустные снегоуборочные машины – весна их сделала безработными. Собака Вовка подрёмывала у будки, охраняя автобазу от расхитителей. Лёшка, ученик сторожа, тёрся возле нашей компании и посасывал заножный палец.

Автобаза была маленькая, игрушечная, примерно на десяток машин плюс новенький мотоцикл «ява», поставленный сюда на приколы местным мотоциклетным асом Костей-американцем-старшим. Располагалась она здесь же, на нашей улице, сразу за нашим домом.

Сторож базы, Ёжиков дядя Коля, по нечётным числам по вечерам выгонял свой трудовой ревматизм, парился в Усачёвских банях, передавал ученику Лёшке свои законные державу и скипетр, то есть медный свисток с цепочкой и древнее нестреляющее ружьё. Сегодня было как раз нечётное.

Дядя Коля был наш старый знакомый; прошлой осенью прорвало канализацию, и нашу улицу перекопали, как огород; а он ведь старенький, дядя Коля, и поэтому не очень устойчивый, вот мы и вытащили дядю Колю из рва, куда его повалило ветром. Автобаза после этого случая сделалась для нас как родная. Здесь, в кузове пятитонки, отъездившей последние километры ещё при царе Горохе, мы обычно собирались по вечерам. Кузов был нашим штабом, в нём мы строили великие планы, дулись в фантики, праздновали победы, лечили раны, завоёванные в боях; сюда, на базу, кроме нас со Щелчковым да с полдесятка наших верных друзей, посторонних никого не пускали.

– Он был маленький ещё, этот Робсон, – продолжал рассказывать Шкипидаров, – и на месте никогда не сидел, всё пытался вылезти из аквариума. А они высоты боятся – если аксолотля уронишь даже с самой небольшой высоты, он умрёт от разрыва сердца. Так вот, забрался Робсон на край аквариума, повисел на краю и умер...

Щелчков спросил:

– От разрыва сердца?

– От простуды. Мама форточку забыла закрыть, ну его на сквозняке и продуло.

– Жалко рыбку, – сказал Щелчков. – Это ж надо – и с хвостом, и с ногами!

– А до Робсона у нас был сурок. – Шкипидаров сидел на корточках, привалившись к деревянному борту. – Он всю зиму на антресолях спал, мама его в валенок убирала, чтобы ему было тепло. Вот он в валенке до весны и не просыпался, у сурков это называется «спячка». Только он всё равно подох.

– От простуды? – спросил Щелчков.

– От обиды, – пригорюнился Шкипидаров. – Мы весной его из валенка вынули, а он лысый, как... ну помните дядьку, ну вчера, ну на Фонтанке, ну с удочкой... ну который мою шапку поймал. Сурка за зиму моль поела, и от меха ничего не осталось. Он обиделся, заболел и умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.